

На правах рукописи

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

МИФА О ГРУЗИИ И КАВКАЗЕ

В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XX вв.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Ижевск

2018

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный консультант: **Сорочан Александр Юрьевич**, доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Официальные оппоненты: **Полонский Вадим Владимирович**, доктор филологических наук, профессор РАН, директор ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии Наук»

Шульженко Вячеслав Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный лингвистический университет», научный руководитель гуманитарно-культурного центра «Русский Кавказ»

Ибатуллина Гузель Мртазовна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится 8 июня 2018 года в 13.00 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.275.09 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд 203.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4б. Автореферат размещен на официальном сайте Минобрнауки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» <http://lib.udsu.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук доцент

О. В. Зуга

Общая характеристика работы

Изучение констант русского национального самосознания в соприкосновении с иной национальной средой остается одной из наиболее приоритетных и перспективных областей отечественного гуманитарного знания. Исследование географического фактора в литературе представляет интерес в случае, если черты региона служат опорой определенному художественному единству, образуют сложную незамкнутую систему и выступают как локальная культурная традиция.

Литература о Грузии и Кавказе представляет полноценный сверхтекст русской литературы, рассказывающий «о бурных днях Кавказа» (А.С. Пушкин), фиксирующий изменения в национальном менталитете. Настоящая диссертация обращена к исследованию моделей мотивных структур этнокультурных компонентов в художественном творчестве русских писателей, образующем кавказский миф. Один из заметных вариантов оппозиции «свой»/«чужой» на протяжении ста лет в русской литературе реализуется как «русский»/«кавказский». Изображение христианской Грузии и всего Кавказа, либо Кавказа горного формирует особый топос. Он позволил русской литературе XIX в. поставить и осознать проблемы своей страны, а не только новоприсоединенных к Империи земель. В произведениях, посвященных теме Кавказа, отражались непростые реалии войны и мира, гражданского и церковного строительства. Новый топос литературы, сменивший условный топос Востока, сформированный в эпоху Просвещения, потребовал создания новых жанрово-тематических комплексов, обновления сюжетно-мотивной структуры в динамическом единстве произведений, связанных с репрезентацией Грузии и Кавказа. Русская литература смогла выработать «двойную оптику», представить не только точку зрения присоединяющего центра, но и кавказского региона, показав широту имагологического подхода. При уникальном жанровом и стилевом разнообразии соответствующих текстов, в них сложились определенные тематические константы, устойчивые мотивы, позволяющие создать образ национального мира в инациональной среде. Образ Другого на Кавказе во многом определял формирование и национального самосознания русской классической литературы.

Концепт «свой-чужие» определяется Ю.С. Степановым как «противопоставление, которое в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»¹. Подобное разграничение существует не только и не столько по линии пространственно-территориальных границ, но в системе верований и культур как динамическое формообразующее явление. Отношение к «чужому» в каждом исторически конкретном обществе было связано с определенной картиной мира, и поэтому оппозиция «свой-чужой» в разные эпохи обретала разные смыслы.

Настоящая диссертация, в которой рассматривается эволюция

¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 472.

выделенной оппозиции, восполняет пробел в целостном изучении литературы о Грузии и Кавказе, рассматривает формирование мотивных структур мифа о них, существующего в литературе и общественном сознании.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, значительным местом темы Грузии и Кавказа в русской классической литературе; во-вторых, историко-культурной ролью Кавказа и кавказской войны (1817-1867) в истории Российской империи. Именно в это время, после окончания войны 1812 г., происходит интенсивное оформление русского самосознания и закрепление в общественном восприятии кавказского мифа. По прошествии почти двух столетий эта проблематика по-прежнему остается актуальной для отечественной культуры. Отсутствие работ, целостно представляющих данную тему на материале художественной литературы, документальной прозы, фольклора, церковной и массовой литературы, делают настоящую работу актуальной.

Цель исследования – выявить и проанализировать принципы формирования мотивной структуры мифа о Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX вв.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- изучить типологические явления, раскрыть и описать систему мотивных структур мифа о Грузии и Кавказе в текстах различных русских авторов, созданных в разные эпохи;

- представить соотношение русской национальной идентичности и идентичности «горцев»; выявить принципы определения «другого» в произведениях разных модусов (художественных, документальных, агиографических, фольклорных, публицистических, генеалогических);

- выявить роль и описать функции изображения кавказского мира в русской литературе с различных точек зрения: имперско-исторической и сакральной, не только пространственно (в горизонтальном измерении), но и во временном аспекте, с позиций мифопоэтики (по вертикали).

- обозначить роль Кавказа в русской литературе, проследить динамику «кавказских» мотивов через детальный анализ и типологию, описать их эволюцию в разных жанрах русской литературы XIX – начала XX вв.

- выявить основание изменений репрезентационных парадигм мифа о Грузии и Кавказе в русской классической литературе, показать единство ценностных установок, являющихся ядром национального самосознания.

Объектом исследования является фиксация мотивных структур в мифе о Грузии и Кавказе, сложившихся в русской классической литературе и литературе начала XX в.

Предмет исследования — принципы и приемы репрезентации мотивных структур мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе в контексте литературных традиций на основе корпуса художественных и документальных произведений литературы XIX – начала XX вв., посвященных Грузии и Кавказу.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII в. (времени появления первых произведений о Кавказе в русской литературе — оды Г.Р. Державина «На возвращение из Персии через Кавказские

горы графа В.А. Зубова 1797 года») до публикации повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» (1912 г.).

Степень научной разработанности проблемы. К настоящему времени в отечественном и зарубежном опыте накоплен большой, но не равноценный материал по теме Грузии и Кавказа. В ряде монографических исследований, посвященных творчеству отдельных писателей - Лермонтова, Грибоедова, Пушкина, Толстого, Полонского, серьезно рассматривается кавказская тематика в связи с поэтикой произведений. Существуют также компаративистские работы по теме «Русские писатели и Грузия», «Россия и Кавказ». Это исследования И.Л. Андроникова, И.С. Богомолова, И.К. Ениколопова, Л. Семенова, В. Шадури.

В ряде докторских диссертаций затрагиваются проблемы жанровой и стилевой природы произведений русской классической литературы о Грузии и Кавказе. Особое внимание ученых привлекает изображение Кавказа в эпоху романтизма (С.Г. Бочаров, В.А. Кошелев, Ю.В. Манн, И.З. Сурат) и в творчестве Л. Н. Толстого (Я.А. Гордин, В.В. Келдыш, В.А. Ковалев).

Среди зарубежных исследований можно выделить статьи и монографии Скотта Петера «Кавказские пленники: идеология империализма в лермонтовской «Беле» Сюзан Лейтон «Российская империя и литература. Покорение Кавказа от Пушкина до Толстого» и «Российская мифология девятнадцатого века о кавказских дикарях в русском востоковедении: границы империи и народы, 1700-1917», Льюиса Бэгби «Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм», Пола Дебрецени «Социальная функция литературы. Александр Пушкин и русская культура», Стефании Сандлер «Далекое радости: Александр Пушкин и творчество изгнания», Евы Томпсон «Имперские знания: русская литература и колониализм», Норимацу Кёхэй «Субъекты колониальной репрезентации в русской литературе XIX века» и др. Большинство зарубежных ученых рассматривают творчество отдельных авторов или политические аспекты функционирования литературы о Кавказе. Но обобщающих работ, прослеживающих эволюцию и значение литературы о Грузии и Кавказе в аспекте национальной идентичности, практически нет. Она не осознается как сложившийся миф, как целостный сверттекст русской литературы.

Настоящая диссертация восполняет пробел в изучении литературы о Грузии и Кавказе, ее репрезентации в общественном сознании.

Научная новизна настоящей работы определяется тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении осуществлено целостное **типологическое** исследование принципов изображения Грузии и Кавказа как специфических моделей включения этнокультурных компонентов в произведения разных авторов, на разных этапах русской литературы XIX – начала XX вв., в разных общественно-политических условиях развития России.

Соответственно **материалом** исследования стали ключевые произведения русских писателей, формировавших миф о Грузии и Кавказе, включая как оригинальные, так и переводные тексты: поэзия, проза, документальная литература, массовая литература о Грузии и Кавказе, публицистика XIX в.,

солдатский фольклор времен Кавказских войн, агиографическая литература.

Методологическая база диссертационной работы определяется комплексным подходом, включающим использование историко-литературного, историко-культурного, мифопоэтического, историко-сравнительного, историко-типологического, сравнительно-типологического, биографического, интертекстуального, стилистического метода, имагологического, религиоведческого методов анализа. По мнению А.Ю. Сорочана, направление современных литературоведческих исследований «требуется как можно более широкого контекста освоения литературного процесса»². Этот исследовательский контекст восстанавливается при анализе мотивных структур мифа о Грузии и Кавказе. В работе рассматривается, как русская литература отражала жизнь внутренней колонии — Грузии и Кавказа. Анализ мотивной структуры произведений позволяет подойти к определению устойчивых структур нациодекодирования.

Методологическую основу работы составляют исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные:

- теоретическим проблемам поэтики: С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Л.В. Пумпянского, А.П. Скафтымова, Ю.Н. Тынянова, А.П. Чудакова;
- поэтике произведений русских классиков: Л.П. Гроссмана, Г.А. Гуковского, Н.В. Измайлова, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, Б.М. Эйхенбаума;
- проблемам сюжета и жанра, мотивной структуры произведения: Б.М. Гаспарова, Е.К. Ромодановской, И.В. Силантьева, В.И. Тюпы, О.М. Фрейденберг, Ю.Н. Чумакова;
- проблемам поэтики мифа: работы Р. Барта, Г.Д. Гачева, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского;
- проблемам социологии империи: П. Бурдьё, Э. Саида, В.А. Тишкова, С. Хантингтона, А. Эткинда;
- проблемам философии истории: Н.А. Бердяева, П. Нора А.С. Панарина;
- проблемам имагологии: А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова.

Соприкосновение с кавказскими культурами, их воплощение в литературе отвечало запросам общества, поднимало острые проблемы времени.

Сложность и богатство литературы о Кавказе требует различных подходов к ее описанию. «Опыт искусства представляет собой превосходный путь: узнать чужое Ты в его Другости и, с другой стороны, в нем — собственное Я»³ - пишет Х. Яусс, представитель рецептивного метода, близкого к идеям

2 Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01. / А.Ю. Сорочин. – Тверь, – 2008. – С. 3.

3 Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания. / Перевод с нем. Е.А. Богатыревой // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 105.

М.М. Бахтина, В. Изера, Р. Ингардена. В представляемой диссертации, как и у названных авторов, произведение понимается принципиально диалогически и актуализируется в процессе восприятия.

Литература, описывая современность, фиксировала «места памяти». «Память укоренена в конкретном, в пространстве, в жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память — это абсолют, а история знает только относительное. <...> Сегодня граница стерлась, и из почти одновременной смерти истории-памяти и памяти-фикции родился новый тип истории, легитимность и престиж которой базируется на новом отношении к прошлому и на другом прошлом»⁴. В свете этой концепции представляется плодотворной мысль П. Бурдые о необходимости дефиниций региона не только географами, экономистами, социологами, но и деятелями культуры⁵.

Пространство Кавказа исследуется в работе в новых аспектах с позиции «мест памяти», истории-памяти региона, а также в динамике найденных и изобретенных русской литературой XIX в. сюжетов и мотивов. Это, в свою очередь, предполагает исследование «мифологии места», попытки очертить проблематику анализируемых текстов, определить их место и роль в развитии русской классической литературы. Поскольку Кавказ не исчерпывается каким-либо одним пониманием, как то «провинция», «окраина», «театр военных действий», «граница», «горы», «инославные», «дикие», либо «курорт», «рай», место паломничества, путешествия и т. д., то и в настоящей работе он рассматривается с разных точек зрения, как полисемичный локус.

Осваивая новый ландшафт и новых героев, новые отношения персонажей (русских и горцев), русская литература первоначально формировала этностереотипы — Благородный Дикарь, Хищник, Дева Гор, Путешественник, Учтивый Гость. Постепенно в русском сознании, благодаря литературе о Грузии и Кавказе, менялся образ Другого. Произошло переосмысление многих образов жителей Кавказа. Дева Гор уступила место смиренномудрой Верной Жене («Н.А. Грибоедова» Я.П. Полонского), кавказская женщина перестала описываться как существо таинственное, предстала в обыденно-бытовом аспекте. Этнический «туземец», «хищник» изумлявший путешественников, Благородный Дикарь, нищий разбойник, стоящий на низкой степени цивилизации, трансформировался в Трагического Героя («Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого).

В литературе о Кавказе мы наблюдаем два основных типа репрезентации, отсылающих к традиции и культурному опыту: Кавказ библейский и Кавказ имперский. Сюзен Лейтон назвала свою книгу «Русская литература и империя. Покорение Кавказа от Пушкина до Толстого»⁶. Но с автором этого серьезного исследования можно не согласиться в определении всей русской литературы как

4 Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. // Франция-память. – СПб.: Изд. СПб ун-та, 1999. – С. 19, 49.

5 Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 48.

6 Layton Susan. Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 356.

имперской, если понимать этот термин не хронологически (литература времени империи), а содержательно (литература, служившая покорению завоеванных народов). Еще более однозначно своеобразие русской литературы определяет Ева Томпсон; в книге «Имперские знания: русская литература и колонизация» она выводит её из необходимости служить колонизации. В диссертации термин «колонизация» используется не только в значении «присоединение и подавление какой-либо территории, отрасли», но как «освоение» (например, колонизация русского Севера монастырями в XIX в. после строительства Троице-Сергиевой Лавры). Сегодня метафора «внутренняя колонизация» обретает терминологическое значение (работы А. Эткинда и его последователей), важное для автора настоящей работы.

Анализ мотивной структуры в настоящей работе опирается на историческую традицию русской литературы. Первая книга о Грузии на русском языке «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ея состоянии» Е. Болховитинова появилась в 1802 г.; она стала результатом тесных связей автора с кругом петербургских грузин-эмигрантов. Интерес к Грузии и Кавказу был живым, постоянным и неподдельным. Это касается прозы начала века, таких произведений, как «Черный год, или Горские князья» В.Т. Нарезного или незаконченный роман о кахетинском бунте А.А. Шишкова, «Кетевана, или Грузия в 1812 году».

Внимание к этнографии Кавказа проявляли практически все русские писатели, касавшиеся этого топоса. «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе»⁷ - писал в 1837 году из Тифлиса С. Раевскому М.Ю. Лермонтов. Классические тексты о Кавказе в качестве литературных памятников рассматривались неоднократно, исследования поэтики памятников в целом и рассмотрение их поликультурности возникали на стыке филологии и имагологии⁸.

Анализ мотивной структуры позволяет более тщательно проследить соотношение интертекста и контекста в формировании мифа о Кавказе. Это – система методик, рассматривающая возможности наррации не изолированно, а комплексно во всех видах и родах литературы, поскольку в ней видится слагаемое, составляющее сложную формулу сюжета. Мы используем понятие мотива, опираясь на суждения А.Н. Веселовского и его последователей, прежде всего, ученых новосибирской школы, издающих многотомный «Указатель мотивов и сюжетов русской литературы и фольклора». И. В. Силантьев считает что «мотив подобен слову, произвольному распаду которого на морфемы также препятствует семантическое единство его значения»⁹.

Анализ мотивной структуры позволяет выявить семантические константы, характеризующие сознание русского общества, представленное в литературе.

7 Лермонтов М.Ю. Проза. Письма. Сочинения в шести томах. – М.-Л. : Издательство Академии Наук СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1957. – Т. 6, С. 441.

8 Юнусов И.Ш. Постижение чужого в творчестве Л.Н.Толстого. – М.-Бирск : БирПГИ, 2002. – С. 72.

9 Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М. : Языки славянских культур, 2004. – С. 17.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении XIX и в начале XX вв. в русской литературе Кавказ остается воплощением Иного мира, объектом, нуждающимся в репрезентации.

Многочисленные колониальные интерпретации кавказской темы только маскируют «отдельность» Кавказа. Стремление колонизировать пространство обнажает его особые характеристики.

2. Отдельные тексты, посвященные Грузии и Кавказу, образуют довольно сложную систему мотивов. Сами по себе эти мотивы включают некие оценочные элементы, уравнивающие друг друга. Таким образом, например, соотносятся мотив плена и мотив исцеления, мотив границы и мотив культурного миротворчества.

3. В произведениях, написанных после «Кавказского пленника» А.С. Пушкина, репрезентация Кавказа связана с ограничением свободы протагониста — будь то захваченный горцами воин или не способный избавиться от условностей цивилизации представитель империи. Ограничение свободы подчеркивается при сопоставлении состояний человека и природы, а преодоление несвободы может быть связано лишь с трагедией.

4. После покорения новых территорий «кавказские курорты» не просто сменяют «кавказские опасности». В русской литературе с конца XVIII столетия упоминания о Кавказе связаны с идеей телесного здоровья. Рассматривая документальные и художественные тексты, мы обнаруживаем, что этот мотив сохраняется неизменным, начиная с романов, написанных просветителями, до путеводителей начала XX в. В XIX в. к ним прибавляется мотив духовного исцеления, связанный с мотивом ориентальной любви и исцеления сакрального.

5. Идея границы пронизывает кавказские тексты — граница эта воображаемая, так как «место памяти» (термин П. Нора) свободно от реконструкции реальных границ: империя поглощает Кавказ, но иллюзорная демаркационная линия совершенно очевидно характеризуется и в литературе путешествий, и в исторических романах. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» — наиболее яркое воплощение этой идеи: однако романтическая ирония, с которой связано изображение героического в данном тексте, позднее отходит на второй план. Мотив границы трансформируется в мотив «перехода».

6. Мотив культурного строительства и миротворчества рассматривается в форме просветительства церковного (А.Н. Муравьев) и светского. В разгар кавказской войны во второй половине XIX в. миротворческие усилия приводят к появлению утопической литературы. В.А. Соллогуб, Я.П. Полонский, Л.Н. Толстой наряду с реалистическим изображением Кавказа создают образы идеального «горного мира». Традиция эта берет начало в творчестве Пушкина и Лермонтова и восходит к идее единства русского и грузинского православия, составляющей основу желательности русских на Кавказе.

7. Данная система мотивов позволяет реконструировать всю модель репрезентации мифа о Грузии и Кавказе в русской литературе. Иное

пространство сохраняет статичные свойства, однако они корректируются с учетом мотивов, которые постепенно меняются. В систему антитез, которые детерминируются описанием Кавказа, непременно включаются «стабильные» (плен и исцеление) и «динамичные» (граница, культурное миротворчество) элементы. Тем самым миф о Грузии и Кавказе, сохраняя единство, претерпевает в русской литературе некоторые существенные изменения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на основе комплексного подхода выработаны приемы анализа большого корпуса художественных, документальных и фольклорных произведений о Грузии и Кавказе, сформированного в русской литературе XIX – начала XX вв. и в русском культурном сознании. Данная методика позволила описать принципы и приемы репрезентации мотивных структур русского литературного мифа о Грузии и Кавказе и показать их устойчивость в произведениях, относящихся к разным литературным методам, направлениям (романтизм, натуральная школа, реализм) и жанрам.

Практическая ценность исследования. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при составлении вузовских лекционных курсов и разработке семинарских занятий по истории русской литературы XIX в., в рамках спецкурсов по сравнительному литературоведению, имагологии, мотивному анализу, при изучении обзорных тем, а также на факультативных занятиях в школе.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на Ломоносовских чтениях ИСАА при МГУ Секция «Экология культур Востока» (Москва, ИСАА при МГУ, 2005-2017), а также на следующих конференциях: Международной конференции «Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре» (Санкт-Петербург, Институт русской литературы Пушкинский Дом Российской Академии Наук, 2013), конференции «Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве» (Москва, Институт Европы РАН, 2010), на Всероссийской конференции с международным участием «Сюжетно-мотивная динамика художественного текста» (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, 2013), на Международной научно-практической конференции «Диалог культур: Россия-Запад-Восток». «Кирилло-Мефодиевские чтения» в Институте русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2011), на конференциях «Нижегородский текст русской словесности» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный педагогический университет, 2012), «Грехневские чтения» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2010 – 2012), «Художественное и документальное в литературе и искусстве» (Казань, Приволжский (Казанский) федеральный университет, 2010, 2012), «Национальный миф в литературе и культуре: литература и идеология» (Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2011), «Кормановские чтения» (Ижевск, Удмуртский государственный университет, 2014), «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы».

«Кусковские чтения». Московский Городской Психолого-Педагогический Университет, 2012, 2013), метододический семинар по проблемам жанроведения (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 2011 – 2013), «В. И. Даль в мировой культуре» (Украина, г. Луганск, Луганский государственный университет, 2011), «Север и история. К 400-летию дома Романовых». (Мурманск - Варзуга. Пятые Феодоритовские чтения. 2012), «Прошлое как сюжет» (Тверь, Тверской государственный университет, 2012), «Настоящее как сюжет» (Тверь, Тверской государственный университет, 2013), Секция картвелологии Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (Москва, ПСТГУ, 2001-2016), «Андреевские чтения» (Москва, Библейско-Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2007-2017), «Успенские чтения» (Киев, Киево-Могилянская Академия, 2008-2014), Международный научный симпозиум Contemporary Issues of Literary Criticism. (Тбилиси, Iv. Javakhishvili Tbilisi State University. Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017) и др.

Основные положения исследования обсуждались на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета. По теме исследования опубликованы 58 работ, в том числе 2 монографии, 2 учебных пособия и 19 статей в реферируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, 4 приложений и библиографического списка, включающего 414 наименований. Общий объем исследования - 397 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна избранной темы, характеризуется степень изученности проблемы, формулируются предмет, цель, задачи, описываются теоретическая и методологическая базы исследования, положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая значимость и практическая ценность работы, ее структура.

В **главе I «Мотив свободы/плена в литературе о Грузии и Кавказе»** впервые в литературоведении рассматривается применительно ко всему кавказскому материалу мотив неволи; кавказский топос осознавался в этой мотивной структуре как пространство свободы, но посредством негативного воплощения.

В диссертации отмечается, что в течение XIX в. в процессе становления русского национального самосознания центральной была тема свободы / несвободы и *плена*. Она и стала доминирующей в литературе целой эпохи, определила центральные мотивы в мифе о Кавказе. «Кавказский пленник» А.С.Пушкина оказался подлинно мифопорождающим текстом. Оппозиция свободы-неволи, столкновение разных этносов, разных ступеней цивилизации дали яркое представление о Кавказе, которое разворачивается на фоне богатейшей природы и описания новых порядков, которые устанавливаются в

связи с присоединением Кавказа к Российской империи в XIX в. Мотив плена находит отражение как в литературе «первого грёза» (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой), в произведениях второстепенных авторов (А.А. Бестужев-Марлинский, А.Ф. Вельтман, П.П. Зубов, Д.Л. Мордовцев), а также в массовой литературе этого времени (В.Р. Зотов, Н.И. Зряхов, Л.А. Чарская).

В первом параграфе раздела **первой** главы *«Поэма «Кавказский пленник» А.С.Пушкина как основа формирования мифа»* речь идет о ключевом тексте, влияние которого проявилось в дальнейшем развитии мотива.

В данном параграфе рассматривается генезис мотива плена в литературе романтизма.

Мотивная структура плена в поэме развивается на фоне двух оппозиций: Восток / Запад и Юг / Север, которые изображает Пушкин. Первая из этих парадигм соотнесена с оппозицией «природа / цивилизация» и находится в русле просветительской традиции, вторая отождествляется с оппозицией «природа / культура». «Первая парадигма развивает традицию, заложенную кругом философских идей XVIII века (Руссо, Мабли, Гельвеций), здесь образы кавказцев функционально сближаются с ипостасями Другого, прежде всего, с цыганской темой, и включаются в оппозицию естественной «неволи душных городов» — «дикой вольности». Однако если цыганская тема связывается с традициями просветительской социологии, то решение кавказской темы вписано в цивилизационный контекст: противопоставление «лукавого Запада» «девственному Кавказу»¹⁰, — пишут исследовательницы национального мифа. Новый герой «Кавказского пленника», лишенный имени — «русский» — становится воплощением усталости западной (в том числе русской) культуры.

Поэма «Кавказский пленник», первоначально носившая название «Кавказ», должна была стать описательной, в духе модной на Западе XVIII в. поэтики «живописности», разделявшейся членами «Арзамаса», о чем подробно пишут О.А. Проскурин¹¹ и японский исследователь Норимацу Кёхэй. Норимацу, вслед за Кристофером Эли¹², пронизательно замечает, что для описательной поэмы члены «Арзамаса» выбирают южные колонии империи как объекты изображения, считая, что русские писатели не нашли на родине пейзажей, соответствующих эстетике «живописности». Пушкин в «Кавказском пленнике» трансформирует жанр описательной поэмы¹³, о которой говорится в переписке В.А. Жуковского с Воейковым. Ю.М. Лотман в статье «“Сады” Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе» обращает внимание на то, какое влияние оказала поэтическая переписка между

10 Бреева Т.Н., Хабибулина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. — Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2009, — С. 174.

11 Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. — М. : изд. НЛЮ, 2001. — С.108-122.

12 Ely Christopher / This Meager Nature^ Landscape and National Identity in Imperial Russia. — De Kalb: Northern Illinois University Press, 2002. — Ch. 2.

13 Норимацу Кёхэй. Субъекты колониальной репрезентации в русской литературе XIX века. // Лев Толстой : сквозь рубежи и межи. Гл. Ред. Тадаси Накамура. — Slavic Reserch Center / Hokkaido University, — Sapporo, May, 2011. С. 172-176.

Воейковым и Жуковским на молодого А.С.Пушкина.

Мотив живописности Кавказа станет одним из самых устойчивых в русской литературе. От Пушкина до Толстого будет меняться степень приближенности автора к описываемому пейзажу – от общей панорамы ландшафта к изображению местного колорита изнутри, крупным планом.

В диссертации отмечается, что одним из пушкинских новшеств стала недосказанность поэмы. Она была заключена в жесткую мотивную структуру и рассчитана на домысливание читателями исторических обстоятельств, эскизно упомянутых, в частности, в эпилоге «Кавказского пленника». Существовал ряд событий, которые ссыльный поэт не мог назвать прямо, но мог только обозначить. Например, события, связанные с политикой Александра I на Кавказе, противоречившей тем дипломатическим и историческим документам между Грузией и Россией, которые были подписаны в Георгиевске. В работе приведен исторический материал, необходимый для понимания ряда мотивов (Пушкин обращается к «Богине песен и рассказа»: «Воспоминания полна, / Быть может, повторит она / Преданья грозного Кавказа; / Расскажет повесть дальних стран, /... Измены, гибель россиян /На лоне мстительных грузинок»¹⁴. Подоплека поведения «мстительных грузинок» была отнюдь не любовная, а политическая, связанная с насильственным переселением грузинского царского дома в Россию и убийством генерала Лазарева).

Мы разделяем мнение В.М. Жирмунского о том, что после «Кавказского пленника» сюжет о русском пленнике стал исключительно восточным, любовным, байроническим: «...пленение европейца (русского) и жизнь его в экзотической обстановке мусульманского Востока, любовь туземной красавицы, попытка бегства, удачная или неудачная, образуют у подражателей Пушкина и Байрона прочный сюжетный остов»¹⁵. К таким подражаниям можно отнести «Киргизского пленника» Н.Н. Муравьева (1828), «Пленника Турции» Д.Д. Комисарова (1830), «Пленника» П. Родивановского (1832), пародии «Калмыцкий пленник» Н. Станкевича и Н. Мельгунова и собственно «Кавказских пленников» М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого, о чем речь пойдет ниже.

В диссертации отмечается, что А.С. Пушкин, спустя полтора десятилетия, в «Путешествии в Арзрум», отказывается от восхищения методами военной колонизации и увлечения местным колоритом.

Параграф **второй** главы **первой** называется **«Трансформация мотива плена в творчестве М.Ю. Лермонтова и А.А. Бестужева-Марлинского»**.

Рассмотренный ранее материал позволил нам подойти к изучению мотива плена в динамическом аспекте. Ранняя поэма Лермонтова «Кавказский пленник» (1828), во многом подражательная, имеет существенное отличие от пушкинской поэмы, особенно в финале. Лермонтов не касается темы военной славы России, Ермолова, покорения Кавказа. Он сохраняет семантическое ядро пушкинской поэмы и усиливает мотив невольной вины стариков-родителей в

14 Пушкин А.С. Кавказский пленник. // Пушкин А.С. ПСС., – Там же, – Т. IV. С. 129.

15 Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. – Л, «Наука», ЛО, 1978. -- С. 239.

гибели детей. Мотив вины отцов будет повторяться в кавказских произведениях поэта.

Физиологический очерк, который приходит на смену поэме, получает в творчестве Лермонтова не только эскизное («Кавказец»), но и развернутое воплощение в образе Максима Максимыча. Особый психологический тип военного, вся жизнь которого связана с Кавказской линией, чередованием столкновений с горцами и коротких передышек мирной жизни в крепости, овеян поэзией товарищества. Кавказская линия, с ее пока что не испорченной цивилизацией природой, выступает антитезой жизни в центре империи. Здесь стираются социальные барьеры и определяющими являются подлинно человеческие, духовные ценности. Лермонтов показывает в единстве характер героя и ландшафт.

Основные сюжетные элементы в развитии мотива плена (бегство, стремление к свободе, любовь героя к туземке, интерес к культуре горцев, изображение красочной природы Кавказа, осмысление взаимоотношений России и Кавказа) получают дальнейшее осмысление в прозе А.А. Марлинского и Л.Н. Толстого. В начале 1830 гг. А.А. Бестужев-Марлинский фактически перекладывал сюжеты поэм в прозу. И одна из самых популярных тем — пленение героя — звучит в «Рассказе офицера, бывшего в плену у горцев» (1831). Вариантом мотива плена становится также и мотив предательства героя, оказавшегося в плену у русских, который Бестужев-Марлинский будет разрабатывать и в повести «Аммалат-бек» (1832). В повести «Мулла-Нур» мотив плена представлен в разных ипостасях: основной сюжет связан с исповедью героя, в плену у которого находится автор. Внутри текста содержится эпизод, в котором комически разыгрываются плен второстепенного персонажа Гаджи-Юсуфа. Во вставном эпизоде мотив плена низведен до пародийного пленения. Перепуганного труса и хвастуна Юсуфа на спор берет в плен женщина, жена Муллы-Нура Гюль-шад. Затем следует эпизод попытки договориться с похитителем о выкупе, а через несколько сцен — продолжение розыгрыша — испытание Юсуфа накануне мнимой казни.

В работе отмечается, что в финале повести Бестужев-Марлинский снова отходит от канонического изображения мотива плена. Мулла-Нур спасает жизнь автору, прежде чем взять его в плен. Пленник и разбойник оказываются равно благородными героями, следует взаимное испытание характеров и затем Мулла-Нур завершает поединок в благородстве обещанием рассказать всю свою жизнь. После этого следует скупое сообщение о том, что он назвал главные случаи своей жизни, которые Бестужев-Марлинский записал не полностью и не со всей степенью художественности.

Проза Бестужева ориентирована на занимательность. Отсутствие глубины и подлинного драматизма, подмена психологической характеристики риторикой, утомительное однообразие героев и их речей привело к тому, что, несмотря на читательский успех, стиль писателя, изобилующий особыми эффектами («бестужевскими каплями», «марлинизмами»), можно соотнести с массовой, низовой литературой. При этом идеи, которые развивает писатель, его взгляд на Кавказ, не могли не вызывать сочувствия и формировали отношение к

Кавказу у нескольких поколений читателей.

Тексты Бестужева не отличаются европоцентризмом. В его повестях появляются слова на чеченском, кабардинском языках; в «Аммалат-беке», например, 25 иноязычных выражений. Автор учит татарский, стремится рисовать образ народа, передавать его облик. «Будьте уверены, что покауда просвещение не откроет новых средств к довольству и торговля не разольет его поровну во всех ущельях Кавказа, горцев не отучат от разбоев даже трехгранными доказательствами»¹⁶.

Параграф третий главы **первой** *«Модификации мотива плена в документальной литературе»*.

Анализ документального материала позволяет выделить мотив плена, как мотив свободы и сочувствия к врагу. Русская литература, и художественная, и документальная, никогда не становилась на позиции однозначного официального осуждения всего кавказского народа, «врагов вообще». Красноречивым примером могут служить «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау.

В 1835 г. барон Торнау совершил дерзкую разведывательную операцию — под видом горца пробрался в горы, занимаясь составлением географических карт и сбором военных сведений. Во время второй поездки в 1836 г. кабардинцы обманом взяли его в плен. «Воспоминания кавказского офицера» (1864) — документальный рассказ об этом. «Воспоминания», написанные точным слогом военного донесения, «римской прозой», хороши не только как свидетельство очевидца, знающего жизнь кавказских племен изнутри. Они отличаются наблюдательностью автора, его умением преодолеть собственные печальные переживания и представить аналитический очерк иной цивилизации, всякий раз отмечая проявление достоинства, благородства и человечности, наряду с первобытной дикостью. Особенно это касается образа Тембулата Карамурзина - кунака автора, который предпринял беспрецедентные усилия и через два года добился освобождения своего русского друга.

В диссертации отмечается, что к самому институту торговли людьми Торнау относится не с огульным осуждением, а с учетом точки зрения «другого», приводит суждения своих хозяев, что «убить гяура, русского, есть благое дело, но что Коран запрещает истязать человека, какой бы веры он ни был»¹⁷.

Торнау рисует яркие портреты тех, с кем его сталкивала судьба, описывает образ жизни черкесов, кабардинцев, дагестанцев, абадзехов. Находит эпизоды, позволяющие читателю составлять впечатление о сложном переплетении интересов великих держав на Кавказе, о положении женщин. Несомненно, Л.Н. Толстой был знаком с воспоминаниями барона Ф.Ф. Торнау и заимствовал из его мемуаров ряд мотивов. Достоинство, презрение к житейским лишениям, энергия и сметка героя, трогательная симпатия черкесской девушки к пленнику роднят Жилина с прототипом — бароном Торнау. Но фабулой далеко не исчерпывается «Кавказский пленник» Толстого,

16 «Трехгранные доказательства» - трехгранный штык. Марлинский А. Полн. Собрание сочинений. – Ч. X. С. 42.

17 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М, «АИРО – XX», 2000. – С. 256 –257.

имеющий подзаголовок «быль».

Параграф **четвертый** главы **первой** – *«Первое обращение Л.Н.Толстого к мотиву плена»*.

Миф о кавказском пленнике претерпевал различные трансформации.

Использование Толстым приемов повествования, ориентированных на пушкинскую поэтику и стилистику, а также интертекстуальных связей с произведениями Пушкина служит своеобразной формой манифестации вторичного пушкинского мифа. Демифологизируя идеологический вариант пушкинского мифа, Толстой создает свою мифологию, свой вариант мифа, а «чужой сюжет» (пушкинский) связан с выбором отдельных мотивов. С окончанием в 1864 г. кавказских войн история кавказского пленника получает новую жизнь в русской литературе в связи с новаторскими идеями Л.Н. Толстого в области воспитания человека и понимания задач прозы. Толстой дважды обращался к мотиву плена. В первый раз — в четвертой «Русской книге для чтения» (безыскусно рассказана история пленения Жилина и Костылина — прозаическое переложение для детей пушкинской поэмы, которым Толстой очень гордился). Второй раз, зеркально поменяв местами разбойных горцев и русских, Толстой описал плен и бегство героя из России в горы в повести «Хаджи-Мурат».

Л.Н. Толстой использует в качестве «чужого сюжета», формирующего семантическое ядро повести, поэму «Кавказский пленник» А.С. Пушкина и «Воспоминания кавказского офицера» Ф.Ф. Торнау. В работе показано, что мотив существует в динамике. Толстой меняет мотивацию: не объяснимую рационально любовь черкешенки к русскому (в пушкинской поэме) он заменяет изображением чувства жалости, которое возникло в душе девочки Дины, привязавшейся к Жилину и помогавшей ему из человеколюбия. К неизменным концептам авторского мировоззрения относится представление о равном достоинстве человеческих чувств, кто бы их не испытывал. Добро и зло для Толстого выше различий в возрастах, национальностях и конфессиях, свойственных персонажам. В диссертации анализируются способы выстраивания писателем моделей становления этнокультурных концептов в «Кавказском пленнике» и «Хаджи-Мурате».

Толстой отказывается от психологического анализа, «диалектики души» персонажа, от подробного авторского комментария. В диссертации описываются поиски эпического стиля, использованного в повести. В процессе работы над «Книгами для народа» Толстой начал изучать древнегреческий язык, чтобы лучше понимать Гомера. Он заимствует у древнего автора способ выражения чувств, чтоб сделать текст понятным самому широкому кругу читателей. Поэтому в «Кавказском пленнике», как в поэмах Гомера, чувства выражаются действием, а сама повесть обретает черты «высокого» эпоса.

В параграфе **пятом** главы **первой** рассматривается *«Мотив перехода военного в монахи»*.

Во второй половине XIX в., к периоду окончания кавказских войн, меняется отношение к роли кавказцев в литературе. В диссертации отмечается,

что кавказский военный опыт из особенного и романтического начинает восприниматься как обычный, едва ли не рутинный. Это изменение находит отражение у таких авторов, как В.И. Даль, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский.

В диссертации отмечается характер работы В.И. Даля над текстом повести «Рассказ лезгинца Асана». Писатель в 1861 г. решает дописать повесть. В первой части «Рассказа...» ряд эпизодов знаком читателям по кавказским романтическим повестям. Проведя героя через ряд острых ситуаций — разбойничества, плена, солдатской службы, бегства, автор решает во второй части коренным образом изменить судьбу героя и характер сюжета. Асан принимает христианство и задумывает заняться миссионерской деятельностью.

В.И. Даль, верный эстетике физиологического очерка, не уделяет особого внимания описанию внутренних переживаний героя или рассуждениям о пути праведников, важным для литературы того времени. Даже неординарная личность и биография о. Игнатия Брянчанинова, оставившего военную службу и принявшего монашеский сан, не привлекает внимания автора, тогда как именно биография Брянчанинова станет предметом размышлений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Позитивный, восходящий к древнерусской литературе образ защитника отечества, который был актуален в связи с Отечественной войной 1812 г., начинает в конце Александровской и Николаевской эпохи приобретать негативные черты. И в последней четверти XIX в. в русской прозе появляются сюжеты, в которых герои стремятся к праведной жизни, отходят от своего военного прошлого. Меняется и роль Кавказа в литературе второй половины XIX в. Воинская честь, все более формально, если не превратно понятая, и правда Христа оказываются несовместимыми. Герои «Братьев Карамазовых» - и Митя Карамазов, и старец Зосима в молодости служили на Кавказе. Об этом упоминается как о чем-то малозначимом и обыденном. В диссертации рассматриваются пути преодоления несправедности офицерской службы, оговоренные в «Житии... старца Зосимы» (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы») и в рассказе Н.С. Лескова «Фигура», герой которого также служил на Кавказе.

В параграфе **шестом** главы **первой** рассматривается *«Массовая литература и изображение мотива плена на Кавказе»*. Здесь отмечается, что со временем мотив плена становится штампом. Лермонтов начинает предшествующую «Мцыри» поэму «Сашка» (1835—1836) ироническим рассуждением об увлечении темой плена: «Наш век смешон и жалок,— все пиши / Ему про казни, цепи да изгнания, / Про темные волнения души, / И только слышишь муки да страданья»¹⁸.

В работе показано, что ирония по отношению к данному мотиву предвосхищает его «нисхождение» в массовую литературу. Вторичность низовой литературы ведет к тому, что мотив плена, несмотря на усилия авторов сохранять его серьезность и важность, получает упрощенное освещение. Писатели исходят из положения о том, что сам факт заимствования сюжетного ядра не является определяющим. Массовая литература ограничивается

авантюризмом и изложением верноподданнических идей. Не самостоятелен язык произведений. Распространенный прием письма — «высокий, чувствительный язык карамзинского времени»¹⁹ соединяется со злободневной тематикой кавказской войны. В результате война выглядит условной, ненастоящей. В повести Н.И. Зряхова «Битва русских с кабардинцами или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга» герой тог — Андрей Победоносцев — также попадает в плен. Это проходной эпизод, вставленный по традиции для придания произведению местного колорита. В диссертации отмечается, что стилистика повести является сказочной. В плену кабардинский князь не только не сажает героя на цепь и не держит в яме, а предлагает ему жениться на собственной дочери, как только тот перейдет в магометанство. Влюбившаяся в Андрея прекрасная дочь хозяина, читает ему Коран. Зряхов создает персонажей, подобных героям лубочных рыцарских романов, описывает экзотическую обстановку и сохраняет непоколебимую уверенность в превосходстве православных царя и отечества над басурманами. Эта «русская повесть с военными маршами и хорами» выдержала 40 (!) переизданий (последнее было в 1991 г.) и породила многочисленные переделки и подражания.

В диссертации утверждается, что Кавказ — тема, чрезвычайно востребованная в середине XIX в., аккумулирующая проблематику разнообразных произведений прозы того времени. М.А. Ливенцов, служивший в сороковые годы на Кавказе, пишет ряд повестей, под воздействием А.В. Дружинина. Среди них «Записки дамы, бывшей в плену у горцев» (1858). Начав писать в жанре физиологического очерка, сочувственно изображая нравы и быт кавказских горцев, Ливенцов в повести «Михако и Нино. Грузинская идиллия», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1852, т. 113), не удержался и от идеализации, и от искажения реалий грузинской жизни и нравов. Происходило это от того, что автор, подражая «Полиньке Сакс» А.В. Дружинина, был увлечен женским вопросом и полемикой с романами Жорж Санд. Дружинин возлагал на него определенные надежды, призывая писать о том, что он хорошо знает. «Ваша специальность — в знании военного быта и кавказских нравов... Берите пример с Толстого и торопитесь — его военные рассказы имеют успех страшный»²⁰, — советовал М.А. Ливенцеву А.В. Дружинин. Ливенцов, последовав этому совету, написал «Очерки кавказской жизни. Слово пленника» (1858) и ряд других произведений о Кавказе.

В диссертации отмечается, что характерной чертой русской литературы является объективное описание образов горцев, к концу XIX в. начинающее изменяться. За исключением «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого, в произведениях той поры не героизировались благородные разбойники, русские братья Карла Моора. Интересен в этом отношении роман Д.Л. Мордовцева «Кавказский герой», также посвященный Хаджи-Мурату. Он не сопоставим в художественном отношении с повестью Толстого. Хотя герой Мордовцева и

19 Щербина Н.Ф. Опыт о книге для народа // «Отечественные записки». 1861. — № 2.

20 Письма к А.В. Дружинину. (1850–1863) // Летописи государственного литературного музея. Кн. IX. М., 1948. — С. 172.

развенчивался в конце, но некоторое авторское восхищение им очевидно.

Массовая литература и литература для юношества часто обращается к теме Грузии и Кавказа. Лидия Чарская создала пленительный образ княжны Джавахи, после привольной жизни в отчем доме на Кавказе оказавшейся в плену чуждых ей обычаев, которые царили в петербургском пансионе для девочек, куда ее привезли учиться. Помимо серийных текстов о княжне Нине Джаваха, Л.А.Чарская обращается к кавказскому материалу во многих романах— «Газават», «Бичо-джан. Приключения кавказского мальчика».

В диссертации отмечается, что в романе «Газават», основанном на мелодраматическом сюжете (истории молодого русского офицера, попавшего в плен и его друга, аманата - сына вождя восставших горцев, воспитанного в России и вернувшегося обратно в горы), писательница с большим сочувствием рисует мятежных горцев и Шамиля. В первой трети романа (действие происходит в горах и кавказская война рисуется с точки зрения горцев), используется большое количество иностранных слов, обозначающих местные реалии, особенности мусульманства — намаз, тарикат, абах-намаз и т.д. Характеристики героев однозначны и определены, что свойственно массовой литературе. Язык повести полон восточной цветистости, превосходящей «марлинизмы» первых повестей о Кавказе. В целом борьба горцев за свободу изображена весьма сочувственно. Та же тенденция отличает и повесть «Бичо-джан», в которой описан один эпизод кавказской жизни — корыстный родственник похищает мальчика, единственного наследника князя, с тем, чтоб продать его на невольничьем рынке в Турции, а самому завладеть наследством. Но судьба героя устраивается чудесным и довольно немотивированным образом, и все кончается счастливо. В этой повести меньше кавказских реалий и само заглавие не соответствует кавказской обстановке родового замка князя. Слово «бичо» (именительный падеж — «бичи»), являющееся звательным падежом, обращением, употребляется в городском просторечии, несколько пренебрежительно обозначая человека, (аналогично русскому «эй, пацан»), что вряд ли применимо к сыну владетельного князя. Кроме того «джан» — слово армянское. Эта неточность делает обстановку всей повести достаточно условной, чтобы не сказать, фальшивой. Подобные неточности характерны для многих «кавказских» сочинений массовой литературы рубежа XIX-XX веков.

В главе **второй** *«Мотив границы в литературе о Кавказе»* рассматривается мотив границы в системе репрезентаций Грузии и Кавказа. В диссертации показано, что литература стремится преодолеть конфронтацию — следствие военных действий — между русскими и горцами. Здесь мы имеем широкий спектр позиций, от жесткого противопоставления «свои/чужие» до гуманистического изображения участников событий на Кавказе. Они предстают в новом для литературы синкретическом виде, их образы связываются с территорией, подвергающейся военному воздействию с обеих сторон. Кавказ как «далекий край», первоначально чужеродный России, постепенно становится более органической частью империи. Этот мотив позволяет проследить процесс формирования в общественном сознании нового отношения к Кавказу средствами литературы.

В работе прослеживается, что в разные периоды исторической жизни литература XIX в. осваивала культурологический, фольклорный, географический ракурсы освещения Кавказа.

В фольклоре отражено неприятие Кавказа как территории врагов.

В диссертации рассмотрены узловые, стадийные моменты восприятия Кавказа. В 1820 году А.С.Пушкин пишет брату: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях»²¹. В конце двадцатых годов русские все еще смотрят на эту территорию как на место изгнания. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин сообщает, что военные находятся здесь, лишь подчиняясь дисциплине, а молодые чиновники мечтают получить вожделенный асессорский чин. Редкими исключениями, вроде редактора «Тифлисских ведомостей» П.С. Санковского, можно считать русских, любящих край своего нового проживания, сочувственно задумывающихся о будущем Грузии. Пушкин рассматривает Грузию и Кавказ с цивилизационной точки зрения, сравнивая состояние культуры в русской провинции, в центре империи и на ее южных окраинах.

В конце тридцатых годов в произведениях М.Ю. Лермонтова отражена более существенная интеграция южного локуса в имперское пространство. Кавказский пейзаж, обстоятельства войны, формируют новый характер героев. Появляются новые этносы – представители местных, пограничных жителей. В серии очерков «Наши» Лермонтов описывает тип «кавказца», – русского военного, вся жизнь которого связана с «кордоном», кавказской «линией».

В диссертации представлен материал, показывающий, что в конце сороковых годов, в период наместничества М.С.Воронцова, несмотря на продолжающиеся военные действия, происходит существенная европеизация Кавказа, меняется характер его описания. В лирике Я.П. Полонского появляется «замиренный», городской Кавказ. В драматургии В.А. Соллогуба и Я.П. Полонского, этнографических очерках ряда авторов меняется парадигма героев «из местных». Психологии, обычаям, образу жизни уделяется все более пристальное внимание. А в 1863 г. Л.Н. Толстой вводит в русскую литературу целый культурный пласт, возникший на границе с горцами — знакомит читателя с частью Терской линии, по которой расположены гребенские станицы - краем казаков. Толстой отмечает, что, живя между чеченцами, казаки «перероднились с ними» и усвоили обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Изображение этого народа и судеб отдельных героев предшествует созданию романа-эпопеи «Война и мир». Эти два произведения роднит эпическое начало.

В диссертации отмечается, что мотив приграничья, отъединенности казачьей станицы связан у Л.Н.Толстого с утопическим видением Кавказа. Писателю свойственно идеализировать общинный образ жизни казачества. В записной книжке от 13 апреля 1857 г. есть такое замечание: «Будущность России казачество – свобода, равенство и обязательная военная служба

21 Пушкин А.С. – Л.С. Пушкину. 24 сентября 1820, Кишинев. // Пушкин А.С. Письма. – ПСС. : Т. X.. – С.17.

каждого²²».

В параграфе *первом главы второй «Многоаспектность мотивики границы в травелоге А.С. Пушкина «Путешествии в Арзрум»*» отмечается, что поэт отражает последовательные изменения представлений об окраинных землях и Кавказ изображен в исторической перспективе. Кратко, но точно охарактеризованы природа, климат, история Грузии и Армении, – тифлиссские бани, манера пить вино и образец грузинской поэзии. В диссертации описаны подходы автора к границе естественной и установленной. Он несколько раз упоминает слово «граница» - в связи с Волчьими Воротами, «на естественной границе Грузии». Затем, в Армении, указывает на невысокие горы, «естественную границу Карского пашалыка». И, наконец, знаменитое признание «Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; <...> Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России»²³.

Для Пушкина государственная граница сопоставима не только с «естественной», но и с границей библейской, с началом человеческой истории, поскольку летоисчисление в древнерусской традиции велось от Сотворения мира, от Всемирного потопа.

Сравнивая разные приграничные страны в «Путешествии в Арзрум», Пушкин отказывается от приемов романтических контрастов (естественное/искусственное) и прибегает к новой манере письма, основанной на триадах. Это и география/политика/библейстика, и широкие библейские ассоциации, основанные на внутреннем противопоставлении христианства — язычеству – магометанству. Авторская интонация в «Путешествии в Арзрум» лишена романтической избыточности, отличается строгостью и простотой зрелого письма, тонкой самоиронией. Структура текста представляет продуманное сочетание описаний военных действий с библейскими ассоциациями, что создает символический подтекст и придает произведению глубину.

При рассмотрении пушкинской кавкасианы отмечается, что если в «Кавказском пленнике» на первом плане были проблемы «живописности» Кавказа, важными оказывались нравственный и цивилизационный аспекты отношений России и Кавказа, то в «Путешествии в Арзрум» обнаруживается зрелость и своеобразие исторических взглядов автора, напрямую связанных с христианским учением. Исподволь и как бы мимоходом к утверждению этих взглядов автор ведет и читателя.

В диссертации отмечается, что автор «Путешествия в Арзрум» несколько отстраненно описывает несходство обычаев разных народов. Пушкина интересует связь религиозной и повседневной жизни. Тема сакрального

22 Толстой Л.Н. Дневники и Записные книжки 1854-1857. // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт. – М. : «Художественная литература». Т. 47, 1937. – С. 204.

23 Там же, С. 857-858.

последовательно проводится автором в отборе эпизодов²⁴. В приложение к «Путешествию» Пушкин помещает очерк о верованиях курдской секты езидов.

В диссертации анализируется, как религиозность поэта в 1830 гг. была связана с историософскими размышлениями. В «Путешествии в Арзрум» следующей за этнографизмом стадией объяснения мира и «чужих» народов, становится религиозное восприятие. Травелогу предшествует лирический кавказский цикл, в который вошли стихотворения «Монастырь на Казбеке» и «Кавказ», где движение сюжета, изменение авторской точки зрения определяется днями творенья в книге Бытия.

Пушкин верит в цивилизаторскую и религиозную миссию России. Изменение жизни на Кавказе может происходить не только в результате военных побед, а с помощью создания нового уровня жизни. «Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия»²⁵.

В диссертации оспаривается точка зрения современного исследователя Н.В. Маркелова, автора книги «А.С. Пушкин и Северный Кавказ», утверждающая, что «в первой главе “Путешествия в Арзрум” поэт набросал конспективный план покорения Кавказа, высказав сначала стратегически разумные соображения о перекрытии кислорода, а окончив, увы, наивными прожектами о пользе самовара и христианских проповедей»²⁶. [Подчеркнуто нами — И. Б.-М.]. Эта глубоко продуманная историософская пушкинская программа, венчающаяся проповедью Евангелия, до сих пор не осознается как взгляд на основание конкретной политики. Невозможно понять целостного восприятия Пушкиным кавказских проблем, если ограничиться только дипломатическими и экономическими аспектами отношений.

«Путешествие в Арзрум» характеризуется многоаспектностью мотивики границы. На смену романтическому контрасту (свои/ чужие), (естественное/ искусственное) у Пушкина приходят триады, которые позволяют сохранить романтические стереотипы, но также показать, что представляют собой основные концепты Востока, такие как *гарем*, *восточная роскошь*, и т. д. По-новому описывает Пушкин и сам ход военных действий, идущий за расширение границ Империи.

Динамика «своего» и «чужого» начинает разрабатываться в литературе в связи с мотивом границы. Ритуал перехода²⁷, которому культурная антропология придает большое значение при анализе культуры и ее самоидентификации, интуитивно был представлен в русской романтической поэме, где возникал ряд персонажей, «отложившихся» от родины, порвавших

24 Багратион-Мухранели И.Л. Библиейский пласт «Путешествия в Арзрум» А.С.Пушкина. //XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. – М., Издательство ПСТБИ, 2001. – С.342-348.

25 Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. // Пушкин А.С. ПСС, Т. IX. – С.648.

26 Маркелов Н.В. А.С.Пушкин и Северный Кавказ. – М.: Гелиос, АРВ, 2004. – С. 166.

27 Имеются в виду работы франко-бельгийского фольклориста Арнольда ван Генепа (A. van Genep. Rites de passage, – Р, 1909) и американского антрополога Виктора Тэрнера (Тэрнер В. Символ и ритуал. – М, «Наука», 1983).

со своим социумом и перешедших на противоположную сторону. Горцы, вошедшие в соприкосновение с русской культурой, переходящие границу, поступающие на российскую службу, меняющие веру, делают это, открывая для себя новые ценности. Обратный переход — бегство русского в горы (незавершенная повесть «Беглец») - обдумывал Л.Н. Толстой при работе над «Казаками».

Параграф **второй** главы **второй** «*Полярность кавказской темы в фольклоре*» посвящен неприятию горцев. В диссертации показано, что Другой приравнивается к Чужому. Отношение к кавказцам только как к врагам, содержится в фольклоре, солдатских исторических песнях, посвященных Кавказской войне. Территория по ту сторону, за границей – не существует. Экзистенциальная напряженность жизни диктует прямые противопоставления: свои=справедливые, храбрые, стойкие; чужие=коварные, неправые, басурмане.

Архаическое сознание в кавказскую войну начинает получать в фольклоре некоторые новые черты. Распространение песенников меняет картину солдатского фольклора 1940 гг. Происходит более интенсивный обмен между казачьими полками, зачастую более ранние песни переадресуются, привязываются к событиям кавказской войны. Свойственная фольклору устойчивость инварианта сохранялась и по отношению к временной трансформации, частичной замене деталей, ради актуализации содержания во многих кавказских исторических песнях. Например, в песне «Поединок казака с черкесом», турок - солдат предшествующих войн был заменен на черкеса. Контаминации, заимствование «чужих сюжетов» и последующие переделки мотивов характерны для многих фольклорных произведений. Песня «Генерал Слепцов ранен» (командующий Сунженского казачьего полка) восходит к песне о ранении Суворова. Существует целая группа исторических песен «на смерть генерала».

Обращаясь к фольклору с его устойчивостью лексических формул и представлений, мы обнаруживаем стабильность изображения образа врага на Кавказе. Мотив границы представлен эксплицитно, поскольку солдаты защищают землю, которая может стать территорией Российской империи. Они не вольны в выборе действий, подчиняясь дисциплине. Мотив границы оказывается связан с мотивом плена военной жизни. Концептосфера Кавказа в фольклоре имеет двухполосную структуру Свой/Чужой.

Параграф **третий** главы **второй** «*Писатели-военные о пространстве Кавказа как территории войны. Мотив деромантизации Кавказа в творчестве А.И. Полежаева*» посвящен деконструкции складывающегося кавказского мифа.

Мотив границы здесь выражен не явно. Тем не менее, репрезентация Кавказа получает чрезвычайно яркое воплощение. Война меняет границы устойчивого мира. Постоянная угроза существованию пронизывает приграничье особым экзистенциальным напряжением. Литературу отличает желание описать события целостно. У А.И. Полежаева, А.А. Бестужев-Марлинского, которые в качестве солдат принимали участие в Кавказской войне, взгляды были двойственными. В диссертации показано, что, с одной

стороны, их сочинения отличали коллективное противопоставление «наших» и «не-наших». С другой — личностное, авторское начало, неподдельный интерес к народам, с которыми Россия вела войну на Кавказе. Враги осознавались как Другие, но их храбрости, верности своей земле и законам воздавалось должное. «Русь, зачем воюешь ты / Вековые высоты?»²⁸ - спрашивал еще Грибоедов в стихотворении «Хищники на Чегеме», написанном от лица черкесов, напавших на станицу Солдатскую 29 сентября 1825 г. Бестужев пишет «Песнь, обреченных на смерть горцев» («Слава нам! Смерть врагу!») от лица противника.

События, связанные с отстаиванием своей земли, соотношением «своего» и «чужого» выстраиваются путем реструктуризации семиотического поля мотива границы.

В диссертации рассматривается особое место, принадлежащее в этом ряду текстам А. И. Полежаева. Кавказ в его поэмах и стихах предстает во многом по выражению В. Мириманова «разволшебственным». Солдаты — это «чернорабочие войны», идущие туда, «куда ведет их барабан». А. Полежаев с 1831 г. участвовал в серьезных битвах при Эрпели и Чир-Юрте, что нашло отражение в его поэмах и стихах. На смену идеальным красотам приходят ужасы войны, свидетелем которых поэт становится. В диссертации показано, что в его творчестве получает воплощение мортальный код Кавказа. В стихотворении «Черная коса», А.И. Полежаев описывает окровавленную косу черкшенки, а в стихотворении «Мертвая голова» рисует голову горца на копье. В той же поэме «Эрпели» Полежаев объясняет ситуацию, из которой ему видится Кавказ: «Вот эти дивные картины: / Каскады, горы и стремнины... / С окаменелой душой, / Убитый горестною долей, / На них смотрю я поневоле / И, верь мне, вижу из всего / Уродство — больше ничего!»²⁹.

В работе показано, что Полежаев сочетает сниженную, почти очерковую репортажность в описании войны с традиционной военной риторикой: «перуны тысячи громов» - это выстрелы артиллерийских орудий. В стихотворении «Герменчукское кладбище» Полежаев дает новый аспект мифа о Кавказе. Он связывает его с темой могил, и темой чужбины, поскольку пишет не только о могилах горцев, но и о могилах русских солдат на чужбине. Мортальная тема на Кавказе будет обладать значительным потенциалом нациомоделирования. Ее начнут разрабатывать Бестужев-Марлинский («Он был убит»), Лермонтов («Спеша на Север издалека», «Памяти Одоевского», «Сон»). Полежаева в какой-то степени можно считать их предшественником.

Параграф **четвертый** главы **второй** «*Мотивы военной публицистики в "Письмах из Дербента" А.А. Бестужева-Марлинского*». Формированию представлений о Другом способствовала не только художественная литература и фольклор. В диссертации показано, что «Письма из Дербента» занимают промежуточное место между литературой и журналистикой. Они строго разделены по месту событий и времени написания. Однако Бестужев

28 Грибоедов А.С. Хищники на Чегеме. // Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1988, С.342.

29 Полежаев А.И. Эрпели, // Полежаев А.И. Стихи и поэмы. – Л., Бпбс. 1987,-- С.269

подчеркивает их не документальный, а литературно-художественный характер. Политическая концепция автора совпадает с официальной точкой зрения. Автор не знает промедленья, сомнений, сожалений. Бестужев описывает героизм и напряжение войны, прибегая к преувеличениям, создавая своего рода миф, сопрягая его с историей. Обращение к фольклору, создание ярких, маркированных образов говорит о проявлении у Бестужева мифологического мышления. И оно позволяет поэту бессознательно отрицать природную смертность человека.

В диссертации отмечается, что процесс мифотворчества распространялся на биографию писателя. Офицер-декабрист, разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ был настоящим героем, кумиром своего поколения³⁰. Его описания Кавказа определили представления нескольких поколений читателей. Непосредственным подражателем Бестужева выступил П.П. Каменский, автор ряда повестей. Повести эти, подсказанные службой автора на Кавказе, были замечены критикой. Но Белинский, утверждая принципы натуральной школы и борясь с линией постромантизма Бестужева-Марлинского, оценивал их крайне негативно, называя пародиями на Бестужева, причем пародиями, утрировавшими слабости оригинала.

Пятый параграф главы **второй** - **«Граница между войной и миром на Кавказе в творчестве Лермонтова»**. Здесь утверждается, что трансформация и развертывание событий на Кавказе наиболее полно представлены в творчестве Лермонтова. Оно разнообразно и в плане мотивики (мотив плена, границы, мотив Кавказа как потерянного рая), и в плане новаторского описания военных действий («Валерик»), и в плане создания мотива приграничных жителей — (Максим Максимович, очерк «Кавказец») и в лирической коннотации изображения кавказской войны.

а) «Мотивы преодоления жанровых границ. «Валерик».

Отличие концепта кавказской войны М.Ю.Лермонтова от таковых у А. Бестужева-Марлинского и А. Полежаева находит выражение в репрезентации его стилистическими средствами, далекими от риторических вставок и фольклорных формул. В стихотворении «Валерик» Лермонтов использует жанр письма. В диссертации рассматривается новаторская, парадоксальная контаминация любовного послания и военной реляции. Донесения с поля боя, адресовано не штабному начальству, а светской женщине. Разговорная интонация продиктована лирическими чувствами, которые перемежают описание боя, репрезентированное просто и безыскусно. Ряд картин передает нарастание и динамику сражения, которое Лермонтов определяет как «трагический балет». Формируя концепты/ микроконцепты концептосферы русского Кавказа, Лермонтов обращается к маркированному в армейской среде

30 И.С.Тургенев признавался в письме к Л.Н.Толстому, что «целовал имя Марлинского на журнальных обложках (См.: Переписка И.С. Тургенева в 2 –х т. Редактор Тюнькин К.И. – М. – Т. 2, – С. 118). М.Ю. Лермонтов рисовал героев кавказской повести «Аммалат-бек». А. Дюма, после путешествия на Кавказ в 1857 г., сделал перевод этой повести на французский язык под названием «Султанетта». «В “Казаках” Л.Н. Толстого главный герой, Оленин, приезжает на Кавказ под влиянием творчества Марлинского, как наверное, и сам Толстой», — пишет современный американский исследователь Мерсеро (Mersereau J. Jr. Russian Romantic Fiction. – Ann Arbor. Mich. 1983, p. 121).

слову «балет». В военной среде оно было знаковым, поскольку в русской армии существовали две военные доктрины. Одна была ориентирована на парад, фрунт, демонстрацию военной мощи и любование ей в мирное время, другая — на сражение, бой, защиту Отечества. Одна считалась «прусской», другая — национально-русской. Одна исходила из военного артикула и предписаний, исполнения определенной роли, возложенной чином и должностью, другая ориентировалась на личную инициативу и храбрость, которые нужно было проявлять во время боя. Вторая предоставляла военному свободу действий, поощряла предприимчивость, возможность самому исполнить свою историческую роль, самому формировать свою судьбу. Актуализация этих концептов, деконструкция первого и репрезентация через неприятие слова «балет» второго концепта продолжала развитие новаторства батальной лирики Лермонтова. Лермонтовский опыт, окажет в дальнейшем решительное воздействие на изображение войны Л.Н. Толстым.

б) «Мотивы пограничности романтических героев – Измаил-Бей, Демон, Печорин».

Особое значение мотив перехода границы приобретает в поэме «Измаил-Бей». В диссертации рассматривается новый аспект характера героя этого произведения — одинокого, загадочного странника, возвращающегося на родину. Ему предстоит решать проблему личной идентификации. От первичной национализации Измаил-Бей отделен эмигрантским пограничьем. Но с первой же сцены, в которой появляется герой (убийство казака), автор вводит тему ненависти к новой родине — России, борьбы с ней и мщенья. В диссертации рассматривается многогранность героя, испытывающего любовь к родине, ненависть к ее угнетателям и невозможность ответить на любовь дочери лезгина. Эта двойственность героев Лермонтова связана с их парадоксальной рефлексивной природой, архетипической памятью, которая удерживает личность в духовном пространстве традиции.

В диссертации рассматриваются также персонажи, отвергающие духовные границы. Мотив границы порождает еще один тип героя, прочно связанный с Кавказом. Изображение мира как тюрьмы характерно для романтиков. Томление по идеалу, по небесной отчизне делают расширительным понимание неволи — как всего, что требует ограничений. Стремление к бесконечному зачастую приводит романтического героя к богоборчеству. Демон и Мцыри — герои, отвергающие любые границы, и таких героев Лермонтов помещает на Кавказ, актуализируя библейские ассоциации и мотив свободы/плена. В мифологическом восприятии современников Кавказские горы были местом наказания Прометея. В поэме «Демон» в 7 и 8 редакциях поэт перемещает сюда место действия, отказавшись от прежних вариантов (Испании).

Отсутствие границ - это возможность существования демонической личности на Кавказе, которая представлена Лермонтовым в «Герое нашего времени». Хотя он сосредоточен на автопсихологической прозе, мотив границы — физической и духовной - пронизывает атмосферу действия, определяет ситуации и поведение героев. В диссертации проанализированы сложность и

парадоксальность поступков Печорина, которые связаны с его индивидуализмом и, одновременно, с обращенностью к ближнему, когда герой отрицает свою и чужую позиции, уравнивая их.

Печорин испытывает себя, постоянно существуя в пограничных ситуациях, стремится через них приобщаться к экзистенциальному опыту. «Он и обретается на границе между разными мирами, не принадлежа ни одному из них и ни с одним из них себя не идентифицируя. Граница, будучи «местом перехода», и есть подлинное место существования героя в романе, переход же служит его (существования) пространственной формой³¹», - пишет В.Ш. Кривонос, анализируя пустоты в нарративной структуре «Героя нашего времени», мотивы границы и перехода. Печорин не способен совмещать в себе несовместимые культурные модели. Но он стремится совмещать и несовместимые пространственные модели: модель пути и модель перехода. «В лермонтовском романе путь и переход полярны, как полярны человек пути и человек перехода. Но именно переход, а не путь, является пространственной формой существования героя, которому было «назначенье высокое», однако, по его собственному признанию, он это высокое назначенье «не угадал»³².

В работе делается вывод о том, что «лермонтовский человек» находится не просто в эпическом пространстве, а в пограничьи, на линии военных действий, которые усиливают напряженный характер его существования. И контрастом к нему становятся остальные персонажи — «водяное общество», но в первую очередь — Максим Максимыч. Глазами этого «настоящего кавказца» Лермонтов рисует ситуацию поликультурности Кавказа.

Штабс-капитан Максим Максимыч — носитель традиционного отношения русских военных к горцам. Высказываясь о различных народах Кавказа, с которыми ему пришлось общаться, Максим Максимыч различает осетин, чеченцев, татар. Хотя «татарами», т.е. «Другими», русские называли собирательно многие народности. Лермонтов чрезвычайно внимательно изучает их своеобразие и различия. И монолог Максима Максимыча демонстрирует такие имагологические модели как Чужой Другой, Другой и Свой Другой. В русской литературе сороковых годов XIX в. роковое столкновение страстей уступит место более спокойному рассказу о герое, чья судьба также будет связана с мотивом перехода, переменой веры и судьбы.

Параграф **шестой** главы **второй** *«Мотив перехода в другую веру. «Рассказ лезгинца Асана о приключениях своих» В.И. Даля»*.

Мотив этот к 1840 г. перестает отличаться новизной и начинает осваиваться массовой литературой, литературой для народа. Этнографические очерки В.И. Даля, и в том числе «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих», стоят на границе между «классикой» и «беллетристикой». С одной стороны — привычные для читателя литературы о Кавказе мотивы «воинственного разбоя», плена, любви «девы гор» к герою - благородному мстителю, защитнику бедняков, кочующие из одного произведения в другое. С

31 Кривонос В.Ш. «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова: два сюжета. // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. Вып. 12. – С. 83.

32 Там же. С.86-87.

другой — новый характер наррации, точность и простота изложения в описании экзотического быта представителей разных этносов, отсутствие романтических преувеличений. Даль, проведя героя через ряд приключений, показав его несущим солдатскую службу, изображает принципиально новый поворот судьбы героя. После того, как его не берут в гвардию, Асан бежит из плена воинской неволи. Это повторное бегство – не просто уход от мира, а преодоление новых, искусственно созданных границ. В.И.Даль рисует комплекс имагологических моделей - превращение изначально Чужого Другого, в Своего Другого.

Седьмой параграф главы **второй «Мотивы своих/чужих» в «Казаках» Л.Н. Толстого** посвящен анализу основных компонентов мотивной структуры в изображении границы, поскольку наибольший вклад в создание образа границы империи на Кавказе внесен писателем именно в этой повести. Художественная интуиция писателя позволяет воссоздать лингвистически точное описание языка казачьей станицы, особенности «наречия». Исследование раскрывает широкую панораму современных Толстому культурных кодов, относительность восприятия пространства и времени, этикетные и индивидуальные проявления вербальной коммуникации героев. Проблема идентичности русского сознания представлена через восприятие культуры.

В диссертации рассматривается задача, которую во всей сложности ставит перед собой писатель. Толстой сохраняет яркость красок Кавказа, но рассказывает не о горцах Других, а о Своих Других – русских жителях приграничных мест, перемешавшихся с местным населением, вобравших черты различных этносов. Казаки находятся (по терминологии американского культурного антрополога В. Тернера) в стадии ритуала перехода – от архаических русских традиций к современным, от замкнутых горских обычаев, ритуалов, одежды – к общеимперским. Эти явления проанализированы в работе.

У alter ego автора Оленина казаки вызывают острый интерес и восхищение цельностью и инаковостью своего бытия. Но в повести находим и противоположный взгляд на казаков. С точки зрения пехотного полка, казаки «не русские», едва ли не раскольники. Казаки, с точки зрения слуги Оленина, Ванюши «Даром что христиане считаются. На что татарин, и тот благородней»³³. Позже мысль о том, что «татарин» (мусульманин) благородней казака Толстой повторит в «Хаджи-Мурате». Динамика воплощения модели Другого представлена в этом разделе.

В третьей главе рассмотрен **«Мотив чудесного исцеления на Кавказе».**

Одним из способов репрезентации Кавказа является изображение Воображаемого Другого. Ужасы и тяготы непрекращающейся войны требовали представления противоположных, положительных начал. Мотив чудесного исцеления явился оборотной стороной, продолжением мотива границы и мотива

33 Толстой Л.Н. Казаки. // Собрание сочинений: в 22 тт. Т. 3, Повести и рассказы. 1857-1863. – М.: «Художественная литература», 1979. – С. 190.

плена в репрезентации Кавказа. Их место занимает идиллический хронотоп.

Целебные источники Кавказских минеральных вод становятся местом действия ряда произведений русской литературы, развивающих темы «водяной литературы», получившей распространение после романа Вальтер Скотта «Сент-Ронанские воды». Курортный роман, описывающий «водяное общество», составившееся случайно, позволял показать людей самых разных сословий, сводил вместе прихотливые характеры и типы. Особый топос романов этого типа — не столица и не провинция в чистом виде, что позволяет говорить об особом пространстве водяных романов, которые А. Сорочан³⁴ относит к курортному тексту литературной провинции.

В параграфе **первом** главы **третьей** рассматривается *«Начальный этап эволюции кавказской “водяной литературы”»*.

В работе отмечается роль неоконченного произведения Пушкина «Роман на Кавказских водах», которое он задумал в сентябре 1831 г., после второго посещения курорта, где провел два месяца на водах. Опираясь на реконструкции Н.В. Измайлова³⁵ и С.М. Бонди, проанализировавших сохранившиеся черновики, мы отмечаем, что обстоятельства жизни на Кавказе внимательно учитывались поэтом. Развлечения светского общества, балы, карты, гулянья, рядом с военными действиями, набегам горцев, грабежами, похищениями представляли пеструю картину «водяного общества». Пушкин наметил роспись прототипов будущих героев среди своих знакомых. Как отмечает С.М. Бонди, замысел связан с сюжетами и героями пушкинской прозы. «Если Якубович “Романа на Кавказских водах” до известной степени является вариацией таинственного и мрачного Сильвио из “Выстрела”, то, в свою очередь, основные положения были повторены в следующем по времени прозаическом произведении Пушкина — “Капитанская дочка”, где Швабрин воспринял черты “злодея” Якубовича, а Гринев напоминает скромного, но храброго и верного “влюбленного офицера”, кстати, передавшего ему с некоторым изменением и свою фамилию — Гранев»³⁶. Таким образом, мотив границы был связан с различными аспектами изображения, разработанными «водяной литературой» - мотивом похищения /плена, светской повестью о Кавказе. Переплетение Своих, Других, Чужих представляло различные грани самоидентификации и нациомоделирования, способствовало созданию новых национальных мифов. Последнее было осуществлено М.Ю. Лермонтовым в «Герое нашего времени».

Параграф **второй** главы **третьей** озаглавлен *«Мотив исцеления в связи с Грузией и Кавказом в творчестве А.С. Пушкина»*. Здесь анализируются «кавказские» образы в стихотворных текстах поэта, рассматривается мотив «духовного исцеления», тесно связанный с эволюцией кавказского текста. В тридцатые годы размышления об историко-политической роли «ужасного края

34 Сорочан А.Ю. Курортный текст» литературной провинции. Курорт в русской культуре. – Тверь, Изд. Марины Ботасовой, 2010.

35 Измайлов Н.В. «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина. // Н.В.Измайлов. Очерки творчества Пушкина. – Л, «Наука», ЛО, 1975. – С. 208-209.

36 Бонди С.М. «Роман на Кавказских водах». // Путеводитель по Пушкину. – Санкт-Петербург, Гуманитарное издательство «Академический проект», 1997 – С. 338-339.

чудес» не затмевают его лирико-эстетического восприятия. Мысли и лирические чувства поэта находят неожиданный ракурс, не лежащий на поверхности, передаются опосредованно.

В диссертации обращено внимание на то, что концепт розы, во времена Пушкина имел устойчивую форму («соловой и роза»), в романтизме сложился канон своего рода «восточной элегии». Впервые отмечено, как в «Путешествии в Арзрум» Пушкин приводит описание розы, духовного обновления заимствованное у современника - грузинского поэта Д. Туманишвили. «Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. / Не хочу обладать миром: хочу твоего взора. / От тебя ожидаю жизни»³⁷. Исследователь считает, что здесь актуализируются лирические интенции самого Пушкина.

Дмитрий Туманишвили принадлежал к грузинской эмиграции второй волны и значительная часть его лирики написана в жанре мухамбази, близком к анакреонтике. Большинство исследователей сходится на том, что стихотворение «Ахал агнаго» было написано в Петербурге в конце 1810-х гг. (Туманишвили умер в 1821 году). Дать ответ, почему именно это стихотворение Пушкин выбрал из всей грузинской поэзии, представление о которой у него было достаточно широким во время написания «Путешествия в Арзрум», - сложно. Мы делаем предположение, что Пушкин был знаком с этими стихами еще до приезда в Тифлис, что они как-то были связаны с его юностью.

Мотивы возвращения чувства, жизни, любви, отраженные в стихотворениях «На холмах Грузии», «К***», роднят произведения Пушкина со стихами Туманишвили и прежде всего с текстом «От тебя, бессмертная, ожидаю жизни».

Мотив Кавказа, места, дарующего обновление и жизнь, повторен Пушкиным в описании Арарата. «“Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана³⁸ и голубицу излетающих, символы казни и примирения»³⁹ (подчеркнуто нами — И.Б.-М.).

Пушкин продолжает относиться к «новому Парнасу», как в юности — он для него источник обновления. Но в тридцатые годы он видит Кавказ и как источник духовного исцеления (Кавказ библейский) и как возможность поправки здоровья в обустроенных русскими завоевателями серных ключах (Кавказ имперский).

В **третьем параграфе** главы **третьей** рассматривается **«Мотив ориентальной любви в литературе»**.

В диссертации отмечается, что существенной составляющей кавказского мифа является мотив любви. Истоки мотивов этого мифа, помимо «Кавказского пленника» Пушкина, находим в стихах В.К. Кюхельбекера – в «Начале поэмы о Грибоедове», А.И. Одоевского «Брак Грузии с русским царством», любовной

37 Там же С. 662.

38 Мурьянов М. в книге «Из символов и аллегорий Пушкина» подробно рассматривает пушкинское видение символики Ноевых врана и голубицы (М., «Наследие», , 1996. – С. 36-43).

39 Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. – С. 670.

лирике самого Пушкина, связанной с Грузией – «Не пой, красавица, при мне...», «На холмах Грузии». Жизнь Нины Чавчавадзе-Грибоедовой была образцовой в плане увековечения памяти мужа и, будучи отраженной в стихотворении П.Я. Полонского «Нине Грибоедовой», обрела черты мифа ориентальной любви, придав ему новую, историческую правду. В диссертации приводится разнообразный генеалогический материал, рисующий матримониальные отношения русских с грузинскими и кавказскими женщинами.

В четвертом параграфе главы третьей рассматривается *«Мотив Кавказа как потерянного рая в творчестве М.Ю. Лермонтова»*.

В работе отмечается парадоксальность отношения к Кавказу сосланного в действующую армию М.Ю. Лермонтова, который больше всех русских писателей искал здесь возможность чудесного исцеления и писал о нем. Восток для русских романтиков был не только географическим маркером места действия, но трансформированным отголоском в сознании человека XIX столетия древнейших представлений о существовании гармоничной вселенной (Эдема-Рая) и высшего Знания (Тайны) мироздания, некогда ассоциировавшихся с условно-географическим Востоком. Поэт осознавал символический смысл пространства и строил ряд лирических стихотворений и поэм на сочетании священного статуса и роли Кавказа в современности.

В диссертации рассматривается, как усиливался религиозный аспект священного пространства в творчестве Лермонтова. Горы для него находятся между небом и землей, но расстояние от них ближе к небу, чем к земле, они обращают к началу человеческой истории. Человек на фоне гор воспринимается в религиозно-философском аспекте. Кавказский топос помогает Лермонтову выразить глубинные мотивы творчества — сентиментально-руссоистский взгляд, рождающий мотив невозможности счастья; тему рая, увиденного младенчески-чистыми глазами; тему любования драматизмом, красочностью иных, ориентальных народов, идеальный, горный мир мечты, который связан с религиозностью поэта. В слиянии с природой Кавказа Лермонтов искал космическую гармонию. Этими чувствами освящены его лирика и проза. В диссертации отмечается, что в произведениях Лермонтова, с точки зрения мотивной структуры, в частности мотива чудесного исцеления, большинство героев, особенно персонажи, «перешедшие границу» и отличающиеся богоборческим пафосом, терпят неудачу в любви.

В свете вышесказанного мы утверждаем, что молодой монах, горец, герой «Мцыри» делает попытку бежать не из монастыря на родину, а в мир идеального прошлого, своего детства. И автор, выстроив всю поэму в виде исповеди - монолога главного героя, позволяет ему найти это идеальное пространство. В диссертации отмечается, что пространство поэмы строится на оппозиции воображаемого/ реального, которая рассматривается в сопоставлении с «Потерянным раем» Дж. Мильтона, идеей смерти у Августина и возникает из последовательного уяснения существа времени, поскольку его знаменитые рассуждения об отсутствии момента непосредственного перехода «в смерть» (бытие «до смерти» и «после» смерти не означают собственно смерти), прямо связаны с интерпретацией идеи вечности и временности.

Обнаруживается близость этих идей отечественной религиозной традиции и в частности религиозному дискурсу Лермонтова. Рассматриваются точки зрения (порой взаимоисключающие) В. Соловьева, Д. Овсяннико-Куликовского, П. Сакулина, Д. Мережковского, С. Шувалова, А. Блока, а также Б. Эйхенбаума, Э. Герштейн, Л. Гигзбург, посвященные религиозному сознанию поэта.

Обнаженный лиризм поэмы «Мцыри» уравнивается эпическим началом, в котором как бы «пульсирует» священная история и освящает поступки людей, саму природу особенным светом.

Лермонтов пишет поэму в жанре исповеди, предельно лирического высказывания. Исповедь как форма субъективного высказывания героя сочетается с авторским замыслом, нацеленным органически соединить разные культуры на основе православия, показать, что синтез Кавказа и России возможен, и что монастырь на Кавказе – место идеального существования, к которому, через испытания и смерть, приближается герой. Музыкальность финальных слов подчеркивает его смирение и любовь, отказ от мщенья, истинно христианский взгляд на мир показывает, что райская гармония в виде монастыря на Кавказе была доступна художественному взгляду Лермонтова.

Одним из главных мотивов кавказского мифа поэта становится мотив родины, который реализуется в двух ипостасях – исторической родины («Прощай, немытая Россия») и идеальной. Наиболее полной формой воображаемого Кавказа становится образ родины, свойственный герою поэмы «Мцыри». Лермонтов предваряет его изображение историческим вступлением, сопоставимым с эпилогом «Кавказского пленника» Пушкина.

Воображаемое пространство – прародина, к которой герой относится с пламенной любовью, край, где он жил в семье, в гармонии с природой. В аспекте нациомоделирования мало что может быть поставлено в один ряд с этими строками М.Ю.Лермонтова, в которых проявляется чувство любви к родине. Устами героя он говорит о том, чем является родина для человека в ее общечеловеческом, высшем, очищенном от земных тягот смысле. Мифологическое начало в поэме переплетается с историческим. Вопрос о том, стала ли для героя благом жизнь в монастыре после того, как он попал к русским, остается открытым. Во всяком случае, он умирает, придя к истинно христианскому благословию всего живого. Лермонтов тонко чувствует, что вопрос христианизации горцев не решается однозначно как абсолютное благо. Конфессиональный вопрос, который так и не удалось решить успешно, в Российской империи стоял очень остро. Ошибки заключались в изначальном идеологическом посыле, отраженном в частности в концепции М.П. Погодина. Имперская политика внутренней колонизации осуждалась церковными и светскими русскими писателями. Укреплять единство можно было, опираясь на единство православия или на экономические решения проблем Кавказа.

В четвертой главе рассмотрен *«Мотив культурного строительства и миротворчества»*.

Впервые в настоящей работе, при анализе мотивной структуры светской литературы о Грузии и Кавказе, рассмотрена церковная литература. Мы исходим из положения о том, что различные аспекты взаимодействия России и Кавказа

нельзя сводить только к экономическому сотрудничеству или военному противостоянию. Большую роль играет мотив культурного миротворчества, как церковного, так и светского.

В работе представлен концепт единства русского и грузинского православия, которое основывалось на полном богословском соответствии церковей-сестер. Как показано в диссертации, наиболее заинтересованные русские церковные деятели — митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Филарет Московский (Дроздов), А.Н. Муравьев интересовались богатой агиографической и историко-церковной литературой Грузии. Это был целый пласт церковной литературы, включавший жития раннехристианских святых грузинской церкви, материалы о связях Грузии с Византией. Эти материалы к середине XIX в. осваиваются русскими церковными писателями, без чего нельзя правильно представлять национальную самоидентификацию русских.

Первый параграф главы **четвертой** – *«Мотивы единоверия в церковной литературе. А.Н. Муравьев. М. Сабини»* содержит обширный исторический материал по взаимоотношению русской и грузинской церковей. Выдающемуся церковному деятелю Досифею Пирцхелаури, архимандриту Александро-Невской Лавры в Петербурге, принадлежит один из первых очерков грузинской церкви, написанном на русском языке и опубликованном в 1840 г. Тогда же Д. Чубинашвили становится переводчиком царской семьи и также способствует распространению знаний о грузинской церкви. Постепенно происходит становление грузиноведения в России. Платон Иоселиани с 1838 г. начинает разбирать материалы из истории Грузии, т.н. «гуджары» и издает среди прочего «Краткую историю грузинской церкви». В Москве он публикует «Жития святых грузинской церкви» (1850), «Жизнеописание святых, прославляемых Православною Грузинскою Церковью» (1850), начинают формироваться труды выдающегося кавказоведа Мари-Фелисите Броссе. Характерное заглавие «Грузинская церковь – свидетельница Православия Русской Церкви» носит книга М. Цагарели, напечатанная в Санкт-Петербурге в 1848.

Такая же тенденция отличает травелог «Грузия и Армения», созданный выдающимся церковным писателем «церковным Карамзиным»⁴⁰ А.Н. Муравьевым, до этого совершившим паломничество в Святую землю.

В диссертации рассматриваются ключевые явления церковной жизни середины XIX в, необходимые для понимания формирования мотивной структуры светской литературы. (На русском языке появляется ряд агиографических изданий – «Месяцеслов Восточной церкви» 1856 протоиерея М. Вершинского, Славянский месяцеслов 1859 свящ. М. Мирошкина, издание Гатцука «Крестный календарь»).

Существенной вехой в прославлении Святой Равноапостольной Нины становится труд Михаила Сабинина «Полное жизнеописание святых грузинской церкви», изданное в Санкт-Петербурге в 1871-1873 гг. *«Ивериец*

40 Имеются в виду «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина, открывающие период становления русской прозы классического (пушкинского) периода.

Михаил Сабинин», как он подписывался, - грузин по национальности, Сабинашвили, окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Его кандидатская диссертация была посвящена «Истории Грузинской Церкви до конца VI века», сочинение «Древние Акты Грузинской Церкви» было издано Императорской Академией Наук, а книга, посвященная грузинским святым, рассказывала о просвещении Грузии апостолом Андреем и содержала «Житие и подвиги Святой Равноапостольной Нины, просветительницы Грузии».

В диссертации отмечается важность грандиозного двенадцатитомного труда А.Н. Муравьева – «Жития святых российской церкви, также иверских и славянских», опубликованного в 1855-59 гг. Здесь были представлены в хронологическом единстве календарного цикла святые всех православных поместных церквей. И это было демонстрацией духовной общности разных в национально-исторической практике, но единых народов.

Параграф **второй** главы **четвертой** *«Формы светского просвещения в Грузии и на Кавказе в эпоху М.С. Воронцова»*.

Материал, рассмотренный нами в аспекте литературной и социально-практической деятельности, позволил прийти к выводам о том, что мотив культурного строительства и миротворчества главенствовал в этот период в литературе на Кавказе. В диссертации представлены соратники круга Воронцова – востоковеды (Н. Ханьков), в дальнейшем ставшие кавказоведами (Мари-Фелисите Броссе, Ал. Берже), П. Иоселиани, В. Бебутов, литераторы, среди них не только русские, оказавшиеся в Тифлисе в это время, Я.П. Полонский, В.А. Соллогуб, М.А. Ливенцов, но и пишущие по-русски Н. Бердзенов, Р. Эристави и другие представители кавказской элиты, что отмечено в «Закавказском вестнике», в газете «Кавказ» и литературно-художественном альманахе «Зурна». В печати освещаются действия администрации, направленные на европеизацию края, события, способствующие созданию новой культурной ситуации. В частности, реставрируется кафедральный Сионский собор в Тифлисе, который расписывает Г.Г. Гагарин; проходят спектакли итальянской оперы, организуется спектакль на грузинском языке по пьесе Р. Эристави. Открывается заведение Св. Нины для девочек. Создаются материалы по истории Грузии и Кавказа. В. Соллогуб пишет биографию генерала Котляревского, историю русско-иранских и русско-турецких войн, ряд авторов публикуют очерки по этнографии Грузии и Кавказа. Эта деятельность способствует закреплению дружественных России образов Грузии и Кавказа.

Параграф **третий** главы **четвертой** *«Утопические мотивы в творчестве графа В.А. Соллогуба и попытки создания новой ветви русской литературы – “кавказской словесности”*».

В диссертации сопоставляются драматические произведения графа В.А. Соллогуба на грузинские темы «Ночь в духане» и «Ночь перед свадьбой или Грузия через тысячу лет», ориентированные на разного зрителя – русского (в первом случае) и тифлисского. Значительной вехой на пути постижения русскими писателями Грузии является комедия В.Соллогуба «Ночь перед свадьбой или Грузия через тысячу лет», которая была написана специально для

тифлисского зрителя. Особенно ярко это ощущается при сравнении этой комедии с другим произведением Соллогуба. «Ночь в духане», «драматический очерк закавказских нравов» в XV картинах, напечатанных в «Библиотеке для чтения» (1857, т. 145), где в комедии положений автор изображал «диких кавказцев», каких знал невзыскательный русский зритель. Тогда как в «Ночь перед свадьбой» становится значительной вехой на пути постижения русскими писателями Грузии. В. Соллогубу удается создать оригинальную комедию-утопию, воплощающую мечты о просвещении края. В литературе о Кавказе утопия была способом преодолеть конфронтацию, встать над военными действиями и представить кавказский мир единым целым. Основы этого сообщества заключались в единстве грузинского и русского православия, в синкретизме фольклора, опираясь на которые В.А.Соллогуб создал комедию «Ночь перед свадьбой» и лирический шедевр «Тост» («Алаверды, Господь с тобою»).

Однако его усилия по созданию новой отрасли русской литературы – «кавказской словесности», воплощавшиеся в издании литературно-художественного альманаха «Зурна» были отмечены чертами утопизма. Соллогуб игнорировал фактор языка, на котором написано произведение и тематический фактор (Грузия и Кавказ) переносил на возникающую литературу в целом, преувеличивая ее значение.

Параграф **четвертый** главы **четвертой** *«Создание новой типологии кавказских мотивов в литературе о городской, “замиренной” жизни в поэзии Я.П. Полонского».*

В диссертации рассматривается многогранность кавказских образов, созданных Я.П. Полонским. В его лирике получает репрезентацию новый для русского читателя, Кавказ, – городской («Прогулка по Тифлису»). Поэт отождествляет себя с грузинским народным сказителем-поэтом, называет сборник своих стихов «Сазандар» (Певец). Кроме того, в кавказском творчестве Полонского меняется один из устойчивых этностереотипов – облик Девы Гор. В диссертации отмечено, что, изображая женские персонажи в прозе, Полонский делает попытку уйти от любования чертами экзотической туземки (Магдана «Тифлиссские сакли»), понять психологию героини. Но подлинным новаторством становится изображение сильных, ярких женских образов в трагедии «Дараджана, царица Имеретинская» и в стихотворениях «Тамара и певец ее Шота Руставель», «Н.А. Грибоедова».

Мы считаем, что в работе над образом Нины Чавчавадзе-Грибоедовой Я.П. Полонскому удалось создать новый гендерный тип грузинской женщины. В его изображении это смиренномудрая, Духом величавая Жена, хранящая традиции единства православия. Эта трансформация женского образа говорит о подлинном проникновении поэта в православную традицию, а не только психологию вдовы Грибоедова. В произведении учитывается глубина грузинской культуры, проявлено понимание истории грузинского православия, с его культом Святых жен — равноапостольной Нины, Благоверной Царицы Тамары, Великомученицы Кетеван.

Пятый параграф главы **четвертой** *«В спорах о провинциальной печати».*

В диссертации рассматриваются вопросы развития Кавказа после окончания войн, которые переплетаются с вопросами внутренней колонизации, и международной политикой империи. Их остро и объективно ставили русские писатели, не только церковные, но и светские. Единство империи, каких бы концепций государства ни придерживались ее приверженцы — французской просветительской, исходящей из территориально-политического принципа и не учитывавшей этнической и конфессиональной разницы, или же предлагавшейся немецкой философией этнокультурной общности моноэтнического государства, - не годились для Российской империи. Перед Российской империей стояла две возможности развития укрепления окраины, исходя из единства православия или же, развивая экономические составляющие.

В работе отмечается, что русская литература и публицистика столкнулась с новыми проблемами в семидесятые годы XIX в. Мотив областнической, провинциальной деятельности активно обсуждается в это время. Рассматривается деятельность Нико Николадзе, его спор с Д.Л. Мордовцевым о провинциальной печати, где ставились вопросы о соотношении провинции, окраин империи и центра, об ассимиляционном и «традиционалистском» путях развития. Национальные окраины не должны выступать региональным ответвлением имперской культуры, могут стремиться к самостоятельности. Программа мирного развития провинции, ее экономической независимости, предмет забот публициста. В споре о задачах провинциальной печати приняли участие нижегородский публицист А. Грацисский, лидеры сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Полемика эта была существенной и для самоопределения Грузии и Кавказа. Острые и блестящие по форме статьи семидесятых - девяностых годов Н. Николадзе точно диагностируют экономические и социальные проблемы, демонстрируют образы Грузии и Кавказа, включенные в русскую и европейскую культурно-политическую жизнь.

Шестой параграф главы **четвертой** «Полнота и разнообразие мотивов кавказского мифа в повести “Хаджи-Мурат” Л.Н. Толстого».

Сложность и богатство мотивной структуры повести отмечается при моделировании Л.Н. Толстым мифа о кавказском герое. Здесь он использует многие мотивные структуры — мотив плена (хотя герой является не русским в плену черкесов, а, наоборот, горцем у русских), мотив несправедного царя (и Николай, и Шамиль враждебны простым людям, своим подданным), мотив трагической судьбы героя и, конечно, осуждения войны, одинаково чуждой русскому солдату Авдееву и его противнику горцу Хаджи-Мурату. Толстой достигает в этом произведении подлинно эпического взгляда на жизнь, рисует Хаджи-Мурата как трагического героя, с полным пониманием обстоятельств его жизни и уважением к его индивидуальности. Однако надежды писателя на то, что на Кавказе можно будет построить жизнь, близкую к его идеалам казацкой общины, которая придет на смену неправильно обустроенному государству, к моменту написания «Хаджи-Мурата» перестают быть актуальными. Кавказ, как особая часть империи, все больше теряет свой

свободолюбивый уклад. Тем не менее, повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого представляется в художественном отношении явлением столь выдающимся, что ее можно считать апофеозом в понимании Кавказа и его жителей.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы об исключительной роли литературы XIX – начала XX вв. в формировании российского самосознания, проходившего в условиях бюрократизации государства и ослабления религиозного понимания мира. Кавказский свертхтекст русской литературы отличается от городских (петербургский, московский, ташкентский) и от провинциальных (провинция как место скуки или идиллии) текстов. Кавказский свертхтекст сопоставим с активно разрабатываемым в последнее время⁴¹ сибирским свертхтекстом по типу социальной и символической коммуникации региона с центром империи. Благодаря применению мотивного анализа к произведениям на кавказскую тематику, в диссертации воссоздается динамика восприятия образа «Другого» в русской культуре. На протяжении XIX в. литература о Кавказе была оригинальна, разнообразна, обширна как в смысле тематическом, так и в жанровом. Ода, романтическая поэма, письмо, путешествие, повесть, этнографический очерк, песня, сказка, драматическая поэма и комедия-утопия, стихи самых разных жанров, агиографическая литература, научная литература и публицистика, произведения разных жанров фольклора представляли Кавказ в русской литературе. Несколько основных мотивов, из которых складывались образы Кавказа и Грузии, были связаны с темой свободы, утопическим желанием представить эти земли как особую, но Другую часть Российской империи. Способы раскрытия этих проблем были принципиально новыми для русской литературы. Мотивы кавказского пленника, границы, чудесного исцеления и культурного миротворчества получали в разные периоды развития русской литературы у разных авторов своеобразное воплощение. Созданию оригинального нациомоделирования способствовало изображение героев через комплекс имагологических моделей: Чужого Другого, Другого и Своего Другого.

Топос Кавказа в русской литературе наделен символическим смыслом. К традиционной для древнерусской литературы, восходящей к Священному писанию его характеристике (Кавказа библейского), в XIX веке добавилось описание Кавказа имперского, земель, сложно и мучительно присоединяемых к Российской империи. Взгляд русских писателей менялся от любования экзотической живописностью горских народов к глубокому пониманию внутренних проблем жизни новых подданных Российской империи. Мотив чудесного исцеления имел утопические корни, что повлекло за собой осознание Кавказа как потерянного рая. И, наконец, мотив культурного миротворчества, как церковного, так и светского, содержал прообраз гармоничного добрососедского сосуществования России и Кавказа. Наиболее ярко он

41 Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX – XXI веков. – М.: изд «Флинта», «Наука». 2015.; Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. – С.27-35; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: монография. – Красноярск, 2010.

проявлялся в отношении единоверной Грузии, которая исторически была более открыта к принятию Другого.

Проведенные в настоящем диссертационном исследовании анализ и систематизация материала позволяют утверждать, что целостный образ Грузии и Кавказа, любовно и щедро воссозданный поэзией, художественной прозой, публицистикой, массовой литературой, агиографией и фольклором стал существенной частью русской классической культуры. Кавказский миф свидетельствует о единстве системы ценностей самых разных русских писателей (от Пушкина до Толстого).

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в следующих публикациях:

Монографии:

1. Багратион-Мухранели И.Л. «Другая жизнь и берег дальний...» Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе // Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2014. 456 с.
2. Багратион-Мухранели И.Л. Грузинский след в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // М.: URSS. – 2014. – 82 с.

Учебные пособия:

3. Багратион-Мухранели И.Л. Грузинский фольклор. Программа специального курса. // М.: ИСАА МГУ. Центр Кавказа и Центральной Азии, – 2003, – 32 с.
4. Багратион-Мухранели И.Л. Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С. Пушкина: В 2 т. // М.: Московский учебник, – 2005. Т. I. – 512 с.; Т. II. – 510 с.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК РФ:

1. Багратион-Мухранели И.Л. Сила предания. Влияние грузинского экзархата РПЦ на русскую литературы XIX века. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2008. – № 4 – С. 125-148.
2. Багратион-Мухранели И.Л. Первый русский роман о Кавказе («Горские князья или Черный год» В.Т. Нарезного). // Филология и культура. Philology and Culture. Журнал Казанского Приволжского Федерального университета. Казань. – 2012. – № 4. – С. 34-38.
3. Багратион-Мухранели И.Л. Два Хаджи-Мурата (роман «Кавказский герой» Д.Л.Мордовцева и повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов-на Дону – 2012. – № 4. – С. 61-68 .
4. Багратион-Мухранели И.Л. Способы связи с фольклором в комедии начала XIX века и начала XX века. Грибоедов. Эрдман // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск – Вып. 7 (109). – С. 7-12.
5. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как мифопорождающее пространство

русской литературы. // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Казань. – 2011. – № 2 (24). – С. 137-141.

6. Багратион-Мухранели И.Л. История и вымысел. Мотив «влюбленного беса» в поэмах Пушкина и Лермонтова // Вестник Тверского Государственного университета. Серия. Филология. Выпуск 3. Тверь. – 2013. – № 10. – С. 198-206.

7. Багратион-Мухранели И.Л. Граф В.А. Соллогуб и Кавказ // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. Нижний Новгород. – 2012. – № 5 (1). – С. 312-317.

8. Багратион-Мухранели И.Л. Мотив чудесного исцеления в «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина // Вестник Тверского Государственного университета. Тверь. – 2013. – № 32. – Вып. 6. – С. 160-168.

9. Багратион-Мухранели И.Л. Сочинения Митрополита Евгения Болховитинова о Грузии // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. – 2013. – Вып. 4. – С. 47-52.

10. Багратион-Мухранели И.Л. «Языком высшей истины...» Отношение А.С.Пушкина к Евангелию в «Путешествии в Арзрум» // Евангельский текст русской литературы. Петрозаводск. – 2013. – Вып. XI. – С. 165-172.

11. Багратион-Мухранели И.Л. Русский Кавказ и американский юг // Вестник УРАО. Москва. – 2013. – № 3. – С. 86-91.

12. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. Томск. – 2014. – № 9 (150). – С. 83-89

13. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказский подтекст диалога Мандельштама с вождем. Истоки концепта «кремлевский горец» // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. – 2015. – № 1. – С. 51-60.

14. Багратион-Мухранели И.Л. Массовая литература о Кавказе в XIX веке // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. Ростов-на-Дону. – 2014. – № 4. – С. 26-35.

15. Багратион-Мухранели И.Л. Иллюзия и утопия в комедии В. Соллогуба «Ночь перед свадьбой или Грузия через тысячу лет» // Вестник Томского Государственного педагогического университета. Томск. – 2014. – № 11. – С.30-36

16. Багратион-Мухранели И.Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я.П. Полонского // Вестник ГАСК. Москва. – 2015. – № 1. – С.101-109.

17. Багратион-Мухранели И.Л. Европеизация Грузии и Кавказа в XIX веке и национальная самобытность // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета Филология и культура. Казань. – 2015. – № 3. – С. 151-156.

18. Багратион-Мухранели И.Л. Чацкий в истории и в тексте «Горя от ума» // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. Волинськ. – 2010. – № 11. – С.14-18.

19. Багратион-Мухранели И.Л. Семейные ценности на Кавказе в изображении Лермонтова // Вісник Днепропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Днепропетровск. – 2013. – 1(5). – С.145-154.

20. Багратион-Мухранели И.Л. Проблема коммуникации, диалога и творческое наследие Бахтина // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія Філологічні науки 1(7). Дніпропетровск. – 2014. – С.12-16.

Научные статьи и материалы, опубликованные в других изданиях:

21. Багратион-Мухранели И.Л. К проблеме русско-грузинских церковных отношений // Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве. Учреждение Российской Академии Наук Институт Европы РАН. М. – Северо-принт. – 2010. – С. 138-149.

22. Багратион-Мухранели И.Л. Формирование мифа о Кавказе // VIII Сургучевские чтения: Векторы духовности в русской литературе и журналистике XX-XXI вв. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь. – СГУ, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). – 2011. – С. 220-222.

23. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказский миф русской классической литературы. Этапы и тенденции развития // Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и литературе. // «Россия — Запад — Восток»: Литературные и культурные связи; Вып. I. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Спб. – Издательство Пушкинского Дома; Издательство РХГА. – 2013. – С. 68-80.

24. Багратион-Мухранели И.Л. Картины межкультурной коммуникации в повести Л.Н. Толстого «Казачья» // «Проблемы филологии. Язык и литература», Москва. – МГППУ. – 2010. – № 1. – С. 87-95.

25. Багратион-Мухранели И.Л. Рецепция образа царицы Тамары в творчестве Лермонтова. История и легенда // Прошлое как сюжет. Материалы Международной научной конференции. Тверь. – ТвГУ, – 2012. – С. 125-135.

26. Багратион-Мухранели И.Л. Еще раз о жанре «Горя от ума» // Перспективы жанровой поэтики. Научный семинар Инновационные Гуманитарные проекты. Ростов-на-Дону, факультет филологии и журналистики ЮФУ, 31 августа-2 сентября 2012. // Жанр как инструмент прочтения. Ростов-на-Дону. – ФГОУ ВПО «Южный Федеральный университет»; НП «Инновационные гуманитарные проекты». – 2012. – С. 25-51.

27. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказский миф русской классической литературы // Грехнёвские чтения. Словесный образ и литературное произведение. Вып. 6. Нижегород. Гос. Унт. им. Лобачевского. Нижний Новгород. – «Книги». – 2010. – С.280-289.

28. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказские войны — от мифа к документальности. «Письма из Дагестана» А. Бестужева-Марлинского и «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Сборник статей и материалов III международной научной конференции. Казанский федеральный университет. Казань. – Изд-во «Юниверсум». – 2011. – С.91-97.

29. Багратион-Мухранели И.Л. СМИ и мифы о Кавказе // «В пространстве художественной культуры: телеэкран и монитор. Зеркало и зазеркалье домашних экранов». Наука телевидения. Научный альманах. Вып. 7. М. –

Государственный институт Искусствознания МК РФ, Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина. 2010. С.137-149.

30. Багратион-Мухранели И.Л. Античные корни грузинской культуры // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. Вып.3. Московский гуманитарный педагогический институт. Москва. – 2012. – С.226-236.

31. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как потерянный // Лермонтов и Кавказ. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь. – 2012. – С.57-70.

32. Багратион-Мухранели И.Л. Миф о Кавказе в творчестве Л.Н. Толстого («Казачи», «Хаджи Мурат») // Ломоносовские чтения. МГУ им. Ломоносова. ИСАА. Востоковедение. Тезисы докладов. Москва. – Акад. гуманитар. Исслед. – 2006. – С. 7-11.

33. Багратион-Мухранели И.Л. Первые грузинские художественные произведения в русской литературе XVIII века // ИСАА МГУ, Ломоносовские чтения. ИД- «Ключ-С. Москва. – 2010. – С.87-89.

34. Багратион-Мухранели И.Л. Грузия в период наместничества графа М.С.Воронцова // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С». Москва. – 2011. – С. 94-98.

35. Багратион-Мухранели И.Л. Русский Кавказ и американский Юг — формирование литературного мифа // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С». Москва. – 2012. – С.208-213.

36. Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ в массовой литературе XIX века.(«Битва русских с кабардинцами или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга») // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции ИСАА МГУ, ИД- «Ключ-С». Москва. – 2013. – С.214-217.

37. Багратион-Мухранели И.Л. А.Н. Муравьев – церковный писатель // XV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. Материалы. ПСТГУ. Москва. – 2005. – Т.2. – С. 224-233.

38. Багратион-Мухранели И.Л. Лысково — очаг грузинской культуры на Нижегородской земле (к проблеме историко-культурного контекста нижегородского текста русской словесности // Нижегородский текст русской словесности. К 100-летию юбилею Нижегородского государственного педагогического университета: межвузовский сборник научных статей. Н. Новгород. – НГПУ. – 2011. – С. 182-191.

39. Багратион-Мухранели И.Л. Мандельштам и Кавказ (или дуэль со Сталиным) // Belles-Letters. Словесность 2010. Альманах. Книга 4. Библиотека газеты «МОЛ». Москва. – 2010. – С. 139-147.

40. Багратион-Мухранели И.Л. Интеграция мигрантов в социокультурную среду. // Межкультурная коммуникация: современная языковая личность и новые гуманитарные технологии. Тематический сборник журнала «Вестник московского образования» М.-- .2013 – - № 4. - Центр «Школьная книга». – С. 21-23.

41. Багратион-Мухранели И.Л. Царский путь связи Багратионов с Романовыми.

- // Монархии в XXI веке: ретроспекция и прогноз. XV Юбилейные Свято-Елизаветинские чтения. М. – Издательство МГАТТ «Гжель». – 2013. – С.71-87.
42. Багратион-Мухранели И.Л. Трансформация мотива плена в произведениях на кавказскую тему. Сюжет и хронотоп // Сюжетология и сюжетография. Новосибирск. – Институт Филологии Сибирское отделение РАН. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 19-28.
43. Багратион-Мухранели И.Л. «Введение в поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С. Пушкина» // Дорога к слову: сценарно-методическое руководство.: Пушкинский институт. М. – 2008.-- С. 235-240.
44. Багратион-Мухранели И.Л. Имагология (образ другого) и проблема самоидентификации в повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого // Вызовы времени и идентичность: кто мы? // Сценарно-методическое руководство. Пушкинский институт. Москва. – 2012. – С. 160-167.
45. Багратион-Мухранели И.Л. Вымысел и история в «Повести о грузинской царице Динаре». // «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы». Материалы международной научной конференции. «Кусковские чтения -2013». М.. – ГБОУ МГППУ, ООО «Буки Веди». – 2013. – С.28-30
46. Багратион-Мухранели И.Л. «Небывалое в былом», или Подвиг в русской культуре (В.И. Даль) // Вестник московского образования. Департамент образования города Москвы. Москва. – 2014. – № 13. – С. 71- 76.
47. Багратион-Мухранели И.Л. Пути христианской праведности в повестях «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя и «Человек ли он?» И.Чавчавадзе // «Пир – это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. – М. – ББИ. – 2016. – С. 158 – 169.
48. Багратион-Мухранели И.Л. Воспоминания о Д.С. Лихачеве // Дмитрий Лихачев и его эпоха. – Санкт-Петербург. – «LOGOS». – 2006. – 241-243.
49. Багратион-Мухранели И.Л. Тамара. Шота Руставели. /И.Л. Багратион-Мухранели // РАН. Исторический лексикон. История в лицах и событиях. V-XIII века. Кн. Вторая. – М. – МАИК «Наука. Интерпериодика». – 2006. – С. 420-427; 713-726.
50. Багратион-Мухранели И.Л. Динамика женских образов кавказской лирики и драматургии Я.П. Полонского // Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха. – Рязань/ – Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина. – 2015. – С. 187-197.
51. Багратион-Мухранели И.Л. Грузинский лекторий // Цикл лекций, посвященных истории, культуре, церкви, иконописи и литературе Грузии. // М. – Христианский культурный центр «Встреча». 2015/2016. http://vstrecha-center.ru/project/project_13.html&project=13.

Научные статьи и материалы, опубликованные в зарубежных изданиях:

52. Bagration-Mukhraneli I. S.Andrea in Georgia. “Dal lago di Tiberiade al mare di Amalfi”. Il viaggio apostolico di Andrea, il Primo Chiamato. -- Amalfi: Presso la sede del Centro. -- 2008. -- 221-227.

53. Bagration-Mukhraneli I. Caucasian Myth of the Russian Classic Literature // III International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism Proceeding. Tbilisi/ – Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, – 2010. – Pp.13-25.
54. Багратион-Мухранели И.Л. Материалы о Ш. Руставели и грузинской церкви в архивах Киевской Духовной академии // VI Международный научный симпозиум Contemporary Issues of Literary Criticism. Тбилиси: Iv. Javakhishvili Tbilisi State University. Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. 2012. v. I. Pp. 18-27.
55. Багратион-Мухранели И.Л. «Подвиг честного человека». Филологический комментарий к кинофильму Тенгиза Абуладзе «Покаяние» // Память и надежда: горизонты и пути осмысления. Успенские чтения. Киев/ – «Дух і літера». – 2010. – С. 366-400.
56. Багратион-Мухранели И.Л. Второе путешествие на Кавказ. Пушкин и Грузия. К вопросу об утаенной любви поэта // Исследования по русской литературе. Стамбул. – изд-во Фатих Университета. – 2010. – С.24-30.
57. Багратион-Мухранели И.Л. Нико Николадзе и полемика о провинциальной печати // Niko Nikoladze 170. The Proceeding of International Scientific Conference. Tbilisi. – Guram Tavartkiladze Teaching University. – 2013. – Pp. 18-25.
58. Багратион-Мухранели И.Л. Концепт свободы в русской классической литературе // XI International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism Proceeding. Tbilisi.-- Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature. – 2017. – Vol. I. Pp.13-25.